

РАССВЕТ КРОВИ

АННА Д. КОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Д.
Рассвет крови (#3)
Серия «Солнце и ночь», книга 3

<https://litres.ru/73531849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Туман вышел за пределы Анреи и накрыл весь континент. Города пустеют к ночи, двери запирают задолго до заката. Туманный король пришёл не как тень, а как власть, и никто не знает, где проляжет его последняя граница.

Авалис возвращается в Эхис — в королевство, где началась её золотая клетка. Теперь её ждёт не только корона, но и правда о Тумане, которая лишает выбора.

Аскер ищет её, чтобы сказать главное: только Авалис способна уничтожить Туман. И даёт Руизу обещание, цену которого не понимает.

Для Руиза это обещание становится приговором.

Впервые за столетия он выбирает не между долгом и миром, а между желанной смертью и любовью.

Туман растёт. И рассвет крови ещё впереди.

Содержание

Посвящение	4
Глава 1. Хозяин дома.	5
Глава 2. Как так вышло?	22
Глава 3. Король ничего.	24
Глава 4. Кошмар.	31
Глава 5. Слезы.	40
Глава 6. Конец Винора.	46
Глава 7. Конец Эхиса.	53
Глава 8. Я жду объяснений.	60
Глава 9. Убери свои руки.	70
Глава 10. Ошибка или знак?	84
Глава 11. Обещание.	93
Глава 12. Решение.	108
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Анна Д. Рассвет крови (#3)

Посвящение

Посвящается всем, кто выгорел.

Глава 1. Хозяин дома.

Дом встретил Авалис запахом воды и камня. Не сырости, как в Анрее, не тумана, который липнет к коже и оставляет на языке привкус железа. Здесь воздух был густым от тепла, от сладких цветов, от влажной зелени. Винор пах жизнью, и это было почти неприлично после того, как мир несколько дней подряд пах только страхом.

Авалис шагнула через порог и поймала себя на том, что делает вдох глубже, чем обычно. Как будто тело само вспомнило, что можно дышать не экономно, не наполовину, не ожидая удара. Тёплый свет ламп падал на белый камень мягко, не режа глаза. Где-то за стеной журчала вода, тонко, лениво, словно кто-то нарочно оставил этот звук, чтобы успокаивать чужие нервы. Она не хотела признавать, что ей становится легче. Потому что легче здесь быть не должно.

Она знала это так же отчётливо, как знала вкус крови, когда она поднимается к горлу от ужаса. Внутри её всё ещё жила память о том, как этот голос произносил её имя, как чужая собственность. Как он улыбался в зале приёма, и в его улыбке было слишком много уверенности, словно он уже держит её за запястье.

Авалис вошла в дом и сразу же почувствовала: стены тут не защищают. Они просто существуют, создавая пространство.

Это было странное чувство, почти неуловимое. Здесь стены не давили. Они смотрели. Они знали, кто в них ходит, и зачем. Ни одной лишней вещи, ни одной случайной детали. Вся красота была рассчитана. Вся зелень на арках выглядела живой, но ухоженной слишком идеально. Вода в канавках и чашах текла так, словно кто-то ежедневно проверял её направление, чтобы она звучала именно так, как нужно.

Дом богатого человека, который не кричит о богатстве. Дом хищника, который не прячет зубы, просто не показывает их каждому.

Охори шёл впереди, как будто был здесь хозяином, хотя именно он сильнее всех походил на человека, которого сейчас ведут на поводке. Ленты на его запястьях лежали спокойно, но Авалис уже успела заметить: когда Охори напрягается, ленты меняют звук. Они не звенят, нет. Они становятся тише. Как если бы ткань мира вокруг него замирала, чтобы лучше слышать его дыхание.

Ронар шёл рядом, в кошачьем теле, чуть ниже уровня коленей. И она вдруг поймала себя на том, что смотрит на него чаще, чем на Охори. Не потому что кот был интереснее. Потому что он был единственным здесь, кто казался не своим. Не частью обстановки.

Ронар выглядел... пустым. Не слабым, не несчастным, не жалким. Пустым. И это пугало больше всего. Он держался так, словно внутри него не осталось ни места для злости, ни места для ярости, ни места для крика. Как будто всё, что

могло кричать, уже умерло на той поляне, где Аскер сказала ему, что он для неё умер.

Авалис не знала Ронара достаточно хорошо, чтобы понимать, насколько глубоко ему больно. Но она знала эту тишину. Она знала, как выглядит человек, который держится на одной функции. Дышать. Идти. Не падать. Она тоже так держалась, когда сбегала. И мысль об этом, точно чужая рука, коснулась её затылка.

Двери вглубь дома были распахнуты. Их провели в помещение, похожее на гостиный зал, но слишком лишённое случайности, чтобы быть просто гостиной. Белый камень, резные арки, низкие столы, покрытые тонкими тканями цвета песка, зелень, стекающая с балконов внутрь, как водопад. На одном из уровней в стене текла вода, тонкой лентой, и в её шорохе было что-то нарочито интимное.

Авалис почувствовала, что её кожа вспоминает тепло. Что мышцы вспоминают, как расслабляться. Что пальцы перестают сжиматься в кулаки.

И именно в этот момент ей захотелось стать колючей. Потому что расслабление здесь было опасно.

Авалис услышала шаги. Лёгкие, уверенные, неторопливые. Человек, который не торопится, потому что ему не нужно. Человек, который уверен, что любой, кто приходит в его дом, в конце концов подстроится под его ритм. Она подняла голову. И вновь столкнулась с его хищным взглядом.

Дамир смотрел так, словно уже поймал свою добычу. Буд-

то время между их последней встречей было не месяцами, не войной, не побегом, а просто длинным ужином, после которого он вернулся за бокалом.

Он был красивым. Это раздражало. Красивым не так, как Ломар, чья красота всегда была живой, нервной, с мелкими несовершенствами, которые хотелось защищать. Дамир был красивым так, как бывают красивыми хищники. Линии лица точные, словно вырезанные из камня. Глаза чёрные, слишком внимательные. Улыбка мягкая, почти тёплая, но в ней не было ни грамма искренности. Она была инструментом. Вежливым лезвием.

Пауза длилась один удар сердца. Но Авалис за этот удар успела прожить слишком многое.

Его взгляд прошёлся по ней не как взгляд человека, который узнаёт знакомую. Как взгляд человека, который оценивает вещь, которую когда-то почти купил, а потом потерял, и теперь вдруг нашёл снова.

Внутри неё вспыхнула злость. И следом, как тень за огнём, пришёл страх. Она отшатнулась бы, если бы могла. Но тело её снова сделало то, чему его учили всю жизнь. Оно застыло. Улыбнулось бы, если бы ей приказали. Склонила бы голову. Она ненавидела это.

Охори шагнул ближе, закрывая её собой. Дамир заметил это, и его улыбка стала шире, ленивее.

Он наслаждался. Авалис подняла подбородок. Она не была больше девочкой, которая сидит за столом и улыбается,

как её учили. Дамир сделал шаг ближе.

Охори напрягся. Ронар чуть подался вперёд, и Авалис почувствовала, как у неё внутри что-то согревается от этого. Не радость. Не облегчение. Просто факт: она не одна.

– Я думал, вы забыли дорогу в места, где вас могут узнать, – сказал Дамир.

Авалис ощутила, как это слово цепляется к её коже. Понять. Как будто он и правда понимал. Как будто он не был тем самым человеком, о котором рассказывали за столом в замке, как о развлечении, как о варианте, как о выгодной партии.

Она заставила себя улыбнуться. Улыбка получилась тонкой.

– Я не думала, что вы запоминаете тех, кто отказался стать вашим украшением, – произнесла она.

Охори удивлённо вскинул брови. Ронар тихо выдохнул, как кот, который готовится шипеть. Дамир рассмеялся. Не громко и напоказ, а мягко, даже слишком для такого человека. И в этом смехе не было обиды. Был азарт.

– Прекрасно, – сказал он. – Я скучал по вашему характеру. Он был единственным, что в Эхисе действительно радовало.

Авалис почувствовала, как у неё внутри поднимается холодная волна. Слова были красивыми. Но смысл был мерзкий. Он говорил так, словно она была редким зверем в клетке, который наконец показал клыки.

Охори вмешался, сухо, почти грубо.

– Нам нужен кров.

Дамир посмотрел на него так, будто Охори только что напомнил о каком-то неудобном долге.

– Вот уж не думал увидеть тебя живым, – сказал он.

Охори не улыбнулся. Авалис вдруг поняла, что Охори не просто напряжён. Он собран, как перед дракой. Как перед тем, как ударят, и ты должен решить, защищать ли ты кого-то ценой собственной крови.

Дамир хлопнул в ладони, и где-то в глубине дома показался слуга.

– Чай, – приказал он.

Авалис вздрогнула от простоты этого. Они пришли почти из леса, из бегства, из чужой смерти, из тумана. И здесь, в этом доме, всё решалось словом «чай». Это было обидно. И страшно.

Они сели. Низкий стол, мягкие подушки. Дамир устроился напротив, и его взгляд снова нашёл Авалис. Он не отводил глаз. Не стеснялся. Не прятал интерес. Это было хуже прямой угрозы, потому что выглядело как право.

Авалис держала руки на коленях, чтобы не дрожали. Чай принесли в тонких чашках, пахнувший травами и чем-то сладким, медовым. Винор умел подкупать запахами. Авалис сделала глоток, и тепло поползло внутрь, осторожно, как зверь, который проверяет, безопасно ли выходить из укрытия.

Дамир говорил легко. Он был хорош в этом. Он рассказы-

вал о городе, о садах, о воде, о том, как здесь строят дома, чтобы они жили вертикально, а не впивались в землю. Он говорил так, будто весь Винор принадлежит ему не по титулу, а по привычке.

Авалис слушала и ловила себя на том, что часть её мозга отмечает детали. Террасы, каналы, лианы. Красота. Это было похоже на предательство. Она позволяла себе интересоваться, когда где-то, в другом конце мира, кто-то умирает в тумане.

Её ладони вспотели. Она снова вспомнила ту ночь. Потому что Дамир наклонился ближе, и его аромат ударил ей в память. Дорогой, тёплый, терпкий. Тот же, что был на приеме, когда он стоял слишком близко, когда он говорил ей о мире «жестоком, но настоящем», когда отец смотрел на неё так, будто уже решает, в какой день отдаст её этому человеку.

Воспоминание вспыхнуло, как свет в темноте.

Ночь тогда пахла холодом. Замок был тихим, но не мирным. Тишина в коридорах Эхиса всегда была тюремной. Она вспомнила, как сбегала по тёмному подземному ходу и как впервые увидела мир за стенами.

Воспоминание исчезло так же резко, как пришло, но оно оставило после себя вкус. Тот самый вкус, когда тебе хочется вытереть кожу, потому что кажется, словно на ней остался чужой взгляд.

Авалис выпрямилась и поставила чашку на стол чуть резче, чем нужно.

– Вы всё ещё любите говорить так, будто мир ваш, – сказала она.

Дамир рассмеялся.

– Мир ничей, принцесса. Но люди в нём часто оказываются чьими-то. Я просто честен.

Ронар шевельнулся. Его усы дрогнули. Он сидел у ног Охори, тихий, и вдруг в нём что-то зазвенело.

Дамир протянул руку. Как будто собирался поправить прядь её волос, как будто это было естественно. И в этот момент Ронар зашипел.

Звук был такой злой, что Авалис вздрогнула. Не кошачий каприз. Настоящая ненависть, сжатая в тонкую струну. Дамир замер. Его рука зависла в воздухе.

– О, – сказал он, и в голосе мелькнуло удивление. – Ваш кот кусается.

– Он не кусается, – ответила Авалис, и её голос стал нервным. – Он предупреждает.

Дамир медленно убрал руку. Улыбка у него осталась, но в глазах появился интерес другого рода. Он посмотрел на Ронара внимательнее, словно пытаясь понять, почему животное ведёт себя так, будто имеет право.

– Забавно, – произнёс он.

Охори сказал тихо:

– Не трогай её.

Дамир повернул голову, будто только сейчас вспомнил, что Охори тоже здесь.

– Ты вежливо просишь или угрожаешь?

– А для тебя есть разница?

Дамир улыбнулся шире. Он наслаждался. Он всегда наслаждался чужим напряжением, это было видно по тому, как он двигался, как растягивал паузы.

– Я слышал, ты стал убийцей, – сказал он Охори.

Охори не ответил.

Чай остывал. Тепло Винора оставалось вокруг, но внутри Авалис всё снова становилось жёстким, как камень. Она чувствовала, как из неё выходит иллюзия безопасности. Как будто кто-то сдувает красивую пыльцу, и под ней оказывается гладкое лезвие.

Дамир откинулся на подушки и произнёс, будто между прочим:

– Ты привёл в мой дом принцессу. Я должен быть польщён. Надеюсь слухи о том, кто ты, не очернят мою фамилию, – сообщил он. – Будет неприятно, если король узнает, что столь благородный род имеет связь с бродягой.

– Не переживай, будь у нас выбор, мы бы даже не ступили на эту землю, – резко сказал Охори. Наконец поднял голову. – Нам нужен был кров.

Дамир посмотрел на него так, будто слушает ребёнка, который пытается объяснить, почему разбил вазу.

– Разумеется, – сказал он.

И его взгляд снова нашёл Авалис. Её кожа ощутила этот взгляд, как прикосновение.

Охори сказал жёстче:

– Перестань.

Дамир поднял руки, будто сдаётся.

– Хорошо. Хорошо. Я просто смотрю. Смотреть ведь не запрещено.

Ронар тихо зарычал. Не шипение. Настоящий звук, звериный, низкий.

Дамир приподнял бровь.

– Этот кот всё больше мне нравится, – сказал он. – У него больше характера, чем у половины моих гостей.

Авалис резко поднялась. Подушки шевельнулись. Чашка дрогнула. Она почувствовала, как дрожь идёт по ногам.

– Спасибо за чай, – произнесла она. – Мы устали.

Дамир поднялся тоже. Он сделал это так, будто её уход не был решением. Будто это была часть его плана.

– Конечно, – сказал он. – Я попрошу приготовить комнаты.

Он повернулся к слуге, дал несколько указаний, и всё в доме тут же пришло в движение. Тихо, эффективно, как механизм.

Пока слуга исчезал, Дамир подошёл ближе. Слишком близко.

– Я думал, вы умнее, принцесса, – сказал он тихо.

Авалис прищурилась, но инстинктивно отступила.

– И какую, по-вашему, глупость я допустила? – фыркнула она, скрещивая руки.

– Связались с этим жалким убийцей, – произнёс он.
Охори шагнул вперёд, снова перекрывая дистанцию.
– Хватит.

Дамир улыбнулся. И вдруг сказал, будто в шутку:

– Охори, я приготовлю тебе и твоему коту комнату.

Ронар снова зашипел. Дамир посмотрел на него с искренним любопытством, как будто кот был загадкой.

– Он всегда так реагирует?

– Он реагирует на то, что ты считаешь нормальным, – сказала Авалис.

Дамир рассмеялся.

– Прекрасно.

Комнаты были готовы быстро. Дом работал, как хорошо обученная свита.

Авалис поднялась по лестнице, и её впечатлил сам Винор внутри дома. Окна выходили на террасы, на сады, на воду. Вдалеке сияли огни города. Ночь здесь не была чёрной. Она была тёплой. Небо казалось ближе, и звёзды выглядели так, будто можно дотянуться. Но в этом прекрасном было слишком много чужого.

Слуга проводил их в коридор с несколькими дверями. Одна была для Охори и Ронара. Но никто из них не спешил туда.

Дамир шёл рядом. Он выглядел слишком расслабленным.

– Я покажу принцессе её комнату, – сказал он. – Можешь так не переживать, Охори.

Авалис посмотрела на Охори как на последнюю надежду. И он кивнул, не отходя ни на шаг.

Дамир остановился у двери, приоткрыл её, и впустил принцессу внутрь. Там было красиво. Слишком красиво. Светильники, тонкие ткани, вода за стеной, мягкая постель. Комната, которая должна успокаивать.

Авалис почувствовала, как внутри неё всё протестует. Она не хотела быть одна. За эти дни она так привыкла спать рядом с Охори, что сон без него казался чем-то небезопасным.

Дамир будто почувствовал это.

– Или вы можете спать у меня, – сказал он легко. – Всё равно вы когда-то должны были.

Тишина стала такой плотной, что Авалис услышала, как где-то внизу капает вода. Охори резко повернул голову.

– Что?

Дамир пожал плечами.

– Я просто напоминаю, что договоры не исчезают, потому что кому-то стало страшно. Я всё же заплатил за вас цену, принцесса, и она была неприлично большая. Не то, чтобы оно того не стоило...

– Я не ваша собственность, – сказала Авалис, и голос у неё дрогнул на последнем слове. От злости. Не от страха.

Дамир улыбнулся. Теперь уже совсем откровенно.

– Это спорный вопрос.

Ронар зашипел так, что звук ударил о стены. Охори сделал

шаг вперёд, и ленты на его запястьях сжались, будто готовились стать оружием.

Дамир поднял ладони.

– Стоило попытаться, – сказал он весело. – Отдыхайте.

И ушёл, как будто это была шутка. Авалис осталась у порога своей комнаты. Слуга тихо поклонился и исчез.

– Если что, зови, – тихо сказал Охори.

– Или кр-р-ричи, – фыркнул Ронар, подав голос впервые за несколько дней.

Дверь закрылась. Тишина оказалась не тишиной. Она была домом, который слушает.

Авалис подошла к окну. Внизу сиял Винор, весь в зелени, воде, террасах. Вдалеке журчали каналы, и этот звук должен был успокаивать. Но он не успокаивал. Он напоминал, что в мире есть жизнь, а она сейчас, вместо жизни, снова попала в чужую ловушку.

Она сняла верхнюю ткань, попыталась лечь. Простыни были мягкими. Подушки пахли травами. Её тело отказывалось расслабляться.

Она закрыла глаза и тут же увидела зал приёма. Стол. Пламя свечей. Дамир, который говорил о войне так, будто это игра. Её отец, который уже продавал её взглядом.

Она села. Сердце билось быстро. Принцесса не могла оставаться здесь одна, потому что воспоминания стали волной тревоги.

Вспомнился первый день вне замка, когда мир казался

слишком опасным. Вспомнилось, как она впервые отбилась от тумана лучом света, как они плыли на корабле, как Охори чуть не погиб по её вине, как они оказались в причудливом лесу, как... Шейрида отдала их Анрее, и как женщина приказала Аскер убить их.

Стоп.

Через некоторое время, которое могло быть минутами или часами, она встала. Вышла из комнаты тихо, босиком, чтобы не шуметь. Коридор был освещён мягко. Свет падал на белый камень так, будто он никогда не видел крови.

Она пошла к покоям Охори. И замерла. В конце коридора стоял мужчина.

Сначала она подумала, что это Дамир. Но нет. Он был слишком... неподвижен. Слишком напряжён. Он стоял у окна, и лунный свет ложился на его плечи, на спину, на волосы. Голый торс. Белые штаны. Чёрные волосы, чуть влажные, будто он недавно мылся или просто провёл рукой по голове.

Авалис остановилась так резко, что у неё перехватило дыхание. Она вдруг подумала, совершенно неуместно: как он красив. И тут же испугалась этой мысли.

Мужчина шевельнулся. Он точно почувствовал её взгляд кожей. Медленно повернул голову.

Авалис увидела лицо. Ей стало стыдно, что она не узнала его сразу. И мир на секунду сломался. Ронар. Она открыла рот, но голос не вышел.

Ронар смотрел на неё так, будто не видел её. Будто видел

что-то за ней. Что-то гораздо страшнее. В его глазах была тревога. Настоящая тревога, чистая, как лезвие.

– Ты не должна была оставаться одна, – сказал он.

Его голос был низким, хриплым. И в нём было слишком много усталости.

Авалис сделала шаг к нему.

– Почему... – выдохнула она. – ты не спишь?

– Я не чувствую её, – перебил он, и слова прозвучали как удар.

Авалис застыла.

– Аскер?

Ронар кивнул. Медленно.

– Никак, – сказал он. – Вообще никак. Как будто... как будто она исчезла.

Авалис почувствовала, как холод втекает в грудь.

Ронар шагнул ближе. Он не выглядел агрессивным. Он выглядел так, словно держится на одном желании не упасть.

– Я думал, она просто... сорвалась. Но сейчас я не чувствую её совсем.

Авалис не знала, что сказать. Слова казались слишком маленькими.

– Может... тебе только кажется? – попыталась она. – После её слов...

Ронар посмотрел на неё как на ребёнка. Не рывкнул, не дёрнулся, принял её слова как возможные.

– Я знаю, как это выглядит, – сказал он. – Но я всегда её

чувствовал, как часть себя.

Он выдохнул. Грудь у него поднялась и опустилась тяжело. Девушка медленно подошла ближе, а затем робко и неловко обняла его. Сердце в его груди было быстро, кожа была горячей, пахла смолой.

– Мне очень жаль, – шёпотом сказала она рядом с его ухом.

Он вздрогнул. Секунду он не шевелился. А после сам аккуратно обнял девушку в ответ.

Авалис почувствовала, как у неё подкашиваются колени.

– Я не знаю, что говорить в таких ситуациях, – прошептала она. – Но мне кажется, она не хотела говорить тебе тех слов, мне кажется, ей пришлось...

Ронар молчал. И в его молчании было больше боли, чем в любых криках. Его руки сжали её чуть сильнее, он втянул носом воздух, а после отстранился.

Авалис вдруг поняла, что впервые видит его таким... открытым. Она почувствовала, как слёзы подступают, но она не позволила им выйти. Она сжала пальцы.

– Мы должны... – начала она.

Ронар повернулся к ней снова.

– Мы ничего не можем, – сказал он. И голос у него дрогнул на одном слове, почти незаметно. – Я ничего не могу.

Её плечи напряглись.

– Тогда... – сказала она. – Что мы будем делать?

Ронар смотрел на неё долго.

– А чего хочешь ты?

Авалис открыла рот, чтобы ответить, но не смогла. Она не знала, действительно не знала, чего она хочет.

И только тогда поняла, что ночь в Виноре, при всей её красоте, вдруг стала такой же опасной, как туман в Анрее. Просто здесь всё было мягче. И от этого ещё страшнее.

Она шагнула вперёд, собираясь идти к комнате Охори, и в этот момент услышала где-то далеко в доме тихий звук. Не шаги. Скорее, движение ткани, едва заметное.

Авалис замерла, и Ронар тоже. Они переглянулись. Ронар молча приложил палец к губам. И Авалис вдруг поняла: их первая ночь в Виноре уже началась не с отдыха.

Она началась с новой тревоги.

Глава 2. Как так вышло?

Утро пришло незаметно. Сад, в который выходили окна, наполнялся голосами, движением, запахами. Днём город казался почти дружелюбным.

Ронар сидел на перилах, хвост свисал вниз. Кошачье тело было привычным, устойчивым. Он ощущал пространство точнее, чем человек, но и это не помогало.

Связи не было.

Он пробовал снова и снова. Тянулся к той части себя, которой была Аскер, но там было пусто. Как будто она не просто далеко. Как будто её вообще нигде нет.

Эта мысль врезалась неожиданно чётко. Он замер, когти чуть царапнули камень. Кот быстро спрыгнул на пол и начал расхаживать, чтобы избавиться от лишних мыслей.

Днём Дамир был вездесущ. Он появлялся точно случайно, в саду, в галерее, у столика с чаем. Слишком близко. Слишком уверенно. Его взгляд постоянно возвращался к Авалис, и Ронар каждый раз оказывался между ними раньше, чем успевал осознать движение.

Когда Дамир коснулся её руки, небрежно, словно проверяя реакцию, Ронар зашипел. Низко, предупреждающе. Дамир рассмеялся.

– Ревнивый зверёк.

Ронар не отступил. Он сел ближе к Авалис, прижавшись

боком, хвост обвился вокруг её запястья. Она замерла на секунду, потом положила ладонь ему на спину. Не для защиты, для подтверждения. Дамир это заметил. И это его позабавило.

Позже, когда Дамир ушёл, они остались втроём – Охори, Авалис и он. Компания эта была куда приятнее, чем с Дамиром.

Разговоры их были тихими. Без свидетелей.

Охори говорил ровно, но Ронар слышал, как напряжение держит его за горло.

– У нас с Дамиром один отец, – выдохнул Охори.

– Ты же говорил, что твой отец был солдатом Эхиса? – удивлённо спросила Авалис.

– Да, но мать Дамира была той ещё... короче, Дамир сам не очень любил отца.

Ронар молчал, слушал лишь вполуха. Охори рассказывал, Авалис в шоке осознавала факты, а Ронар пытался найти хоть одно подтверждение, что Аскер жива.

Когда разговор закончился, внутри у него осталось странное предчувствие, что реальность не реальна.

Вторая ночь наступила быстрее, чем хотелось. А ощущение, что Аскер жива, так и не вернулось.

Глава 3. Король ничего.

Аскер отпрянула так резко, что пятка соскользнула по мокрому камню. Ступня ушла в сторону, колено подломилось, и тяжесть тела на мгновение сместилась вперёд. Падение остановила чужая рука: пальцы Руиза сомкнулись вокруг её предплечья, твёрдо и без колебаний. Рывок вышел коротким, уверенным. Спина ударилась о его грудь, и удар отозвался в лопатках.

Он стоял позади, плотный и неподвижный. Сквозь рубашку чувствовалось напряжение мышц, сдержанное дыхание, редкое и глубокое. От него исходило тепло, и это тепло удержало её от второго шага назад. Аскер не отводила взгляда.

Маски в руках демона больше не было.

Аскер всегда знала: под ногами в Анрее – только туман. Пустой, безликий, бесконечный. Он мог быть плотным, мог исчезать, но никогда не становился чем-то иным. Теперь же перед ней было лицо.

Человеческое.

Белое, ровное, словно из него вымыли кровь. Чёрные глаза казались пустыми, но в этой пустоте жила воля – холодная, уверенная. Улыбка была хищной и спокойной, слишком правильной, чтобы быть безопасной. Тёмные волосы падали на плечи, и от этого красота демона становилась ещё более неправильной. Два бледных клыка выступали изо рта, как

отточенные кости.

Тело отозвалось прежде мысли. Плечи стянуло, в висках толкнулась кровь, дыхание сорвалось и на секунду стало неглубоким, рваным.

И только его лицо стояло неподвижно. Чёткие скулы, прямая линия губ, спокойный взгляд. Он смотрел на неё прямо и долго. От этого взгляда по позвоночнику прошёл холод. В груди стало тесно, дыхание сбилось снова.

Он развернулся и пошёл прочь из покоев Арелин.

Не спеша. Не оглядываясь.

Как хозяин, который просто вспомнил дорогу.

Края его сущности стелились за ним по полу, расплываясь тёмной дымкой. Он проводил пальцами по камню стен, задерживался у узоров, будто проверяя – на месте ли они, узнают ли его. Его больше занимала Анрея, чем люди за его спиной.

Руиз пошёл следом сразу. Аскер – за ним.

Сердце билось слишком быстро, слишком громко. Пустота не приходила. Тело не собиралось в привычную холодную готовность – оно сопротивлялось, будто мир под ногами стал чужим.

Туман стелился по полу, цеплялся за ступени, лизал камень. Он никогда не исчезал полностью, лишь менял плотность, как дыхание. Сейчас это дыхание сбилось, застряло где-то между вдохом и выдохом.

Камень под ногами был влажным, как кожа после дождя.

Запаха не было, но сырость цеплялась к горлу, утяжеляя вдох.

Тронный зал встретил их звонкой тишиной. Пространство было слишком большим, и от этого тишина звучала как металл. Трон на возвышении стоял пустой и холодный.

– Почему у тебя человеческое лицо? – спросила Аскер.

Слова прозвучали ровно, без надрыва. Только кончики пальцев побелели, когда она сжала их в складках плаща. Под рёбрами тянуло и пульсировало, дыхание стало неглубоким, осторожным, будто воздух мог выдать её.

Король повернулся не сразу. Его движение было медленным, размеренным. Он медленно осмотрел зал и лишь затем остановился на ней. На лице лежало спокойствие с лёгкой тенью скуки, словно её вопрос коснулся его краем и не оставил следа. Он чуть наклонил голову, всматриваясь пристальнее. Слушал не слова. Слушал её.

– Как вы называете это место?.. – он нахмурился, подбирая звук. – Зал. Тронный зал.

Уголки его губ разошлись в улыбке. Она родилась естественно, мягко, без усилия. Кожа вокруг глаз не изменилась, но в глубине взгляда появилось тепло, от которого по позвоночнику Аскер прошла тонкая дрожь.

Аскер на мгновение задержала дыхание. Сердце ударило сильнее, тяжело. В тумане у его ног пробежала зыбкая волна. Серый дым собрался плотнее, обвил край ступеней трона, коснулся камня и медленно рассеялся.

– Ты здесь впервые, – сказала она.

Голос прозвучал тише. Слова легли между ними осторожно, как поставленный на край стола нож.

Король не ответил сразу. Его пальцы лежали на арке входа, длинные, светлые, и Аскер заметила, как под кожей едва заметно двинулась жила. Он провёл рукой по холодному камню, ощутил его шероховатость и только потом отнял руку.

– Да.

Одно слово опустилось тяжело и спокойно. Он поднялся по ступеням без спешки. Каждый шаг отзывался глухим звуком, который расходился под сводами зала и возвращался слабым эхом. Плащ коснулся края ступени, туман потянулся следом и снова осел. Король дошёл до трона, развернулся и сел. Движение было точным и привычным. Камень под его весом не скрипнул, не дрогнул. Он откинулся на спинку, опустил руки на подлокотники и прищурился, рассматривая её сверху вниз.

Туман у основания трона медленно расползся в стороны и замер.

Король смотрел на неё несколько ударов сердца. Потом выдохнул так тихо, что казалось, даже воздух не дрогнул.

Руиз чуть сдвинулся, будто собирался вмешаться. Его плечо задело её – подтверждение, что он рядом, что она не одна.

– А что ты знаешь? – спросила Аскер.

Раздражение внутри было холодным и точным. Слишком точным для этого места.

Чёрные глаза короля метнулись к Руизу. Улыбка на мгновение стала жёстче.

– Знаю, что боишься ты смерти, – сказал он ласково. – Только не своей.

Туман у его ног дрогнул и пополз по полу. Он обвинил сапоги Руиза, поднялся выше, скользнул по коленям, по груди. Руиз вдохнул – и на миг будто забыл, как выдыхать. Пальцы на рукояти меча дёрнулись. Взгляд остался открытым, но стал пустым, стеклянным, направленным куда-то мимо.

– Руиз... – вырвалось у неё.

Слишком тихо. Слишком поздно.

Он не ответил.

Плечи напряглись, спина выгнулась, словно под невидимым ударом. Туман коснулся его щёк, губ, глаз – и исчез, будто впитался в кожу.

Руиз стоял рядом. Но его здесь не было. Пустота, которую он оставил, была громче крика.

Аскер сделала шаг к нему и остановилась. Тишина стала иной, не просто пустой, а неправильной. Такой, в которой тело ждёт боли, потому что она должна быть. Если сделать ещё шаг, она потеряет его.

– Что ты сделал? – клинок оказался в её руке прежде, чем она осознала движение.

Рука дрожала, и Аскер сильнее сжала пальцы, пока ногти

не впились в кожу и боль не отрезвила её на мгновение. Жар поднялся к горлу, в висках тяжело стучало, злость тянула изнутри и давила на грудь.

Король поднялся с трона без спешки. Он двинулся вниз по ступеням, и ткань его тела скользнула по холодной поверхности. Туман разошёлся перед ним и сомкнулся за спиной, словно подчинился без приказа.

Он приближался медленно. В этих шагах не чувствовалось усилия, и от этого холод расползлся по её спине. Когда он остановился ближе, воздух стал гуще, и вдох дался труднее. Серый пар у его ног сгустился и прижался к ступеням.

– Ты можешь спрашивать, – сказал он, будто между ними не стоял пустой Руиз. – Но за всё есть цена.

Голос прозвучал ровно и спокойно. Аскер не отвела взгляд. Шея ныла от напряжения, сердце билось часто и тяжело. Краем глаза она видела Руиза. Он стоял неподвижно, с мечом в руке.

Она чувствовала, как выбор сжимается вокруг неё, и всё же не сделала ни шага.

– Почему я не могу уйти из Анреи? – спросила она. – Что со мной сделали?

Слова прозвучали ровно. Она удержала их в узде, хотя язык прилип к нёбу, а в груди поднималась тяжесть. Пальцы на рукояти клинка остались неподвижными, только суставы побелели от напряжения.

Король задержал взгляд на её лице. Он смотрел присталь-

но, внимательно, будто примерял к ней что-то своё, давно задуманное. В тишине слышно было, как в сводах зала перекатывается слабое эхо их голосов.

– Где богиня Ночи?

Воздух был влажным, густым, но в горле пересохло. Аскер провела языком по губам и почувствовала привкус соли.

– Она ушла, – сказала Аскер.

Улыбка коснулась его губ медленно и глубоко. В глазах вспыхнул резкий, живой свет. Он вдохнул чуть полнее, словно этот ответ наполнил его силой.

– Тогда всё очень просто, – произнёс он с тихим удовлетворением. – Видишь ли... теперь якорь ты. Какого это быть обманутой?

Слово коснулось её, и по коже прошёл холод. В груди стало тесно, словно что-то невидимое легло под рёбра. Она почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

– Якорь? – переспросила Аскер.

На вдохе голос дрогнул, и она тут же сжала зубы, возвращая ему твёрдость. Король тихо цокнул языком. Звук прозвучал отчётливо, отразился от камня.

– Это уже другой вопрос.

Он сделал шаг вперёд. Камень под ним отозвался глухо.

– Ты получила ответ, – сказал он мягко. – А теперь пора платить.

Туман у его ног сгустился и поднялся выше, но Аскер не сдвинулась с места.

Глава 4. Кошмар.

Руиз вдохнул резко, так что воздух обжёг горло и сорвался под рёбрами болезненным рывком. Грудная клетка поднялась с толчком, словно его выдернули из глубины и швырнули обратно в тело. Перед глазами вспыхнул белый свет. Он заполнил всё, ослепил, а затем рассыпался на мелкие искры. Они дрожали и гасли, оставляя за лбом тупую боль.

Возвращение длилось недолго, но каждый миг тянулся тяжело.

Сначала пришёл звук. Глухой, вязкий, искажённый, словно стены зала стояли под водой. Затем навалилась тяжесть собственного тела. Плечи потянуло вниз, колени дрогнули, суставы отозвались ломотой. Холод камня под ногами пробрался сквозь подошвы и поднялся к голеням. Он стоял, но равновесие давалось с усилием.

Во рту пересохло. Язык прилип к нёбу. Металлический привкус разлился по дёснам, будто он только что прокусил губу. Челюсть свело, боль прошла по зубам и отозвалась в висках. Пальцы дрожали мелко и упорно. Он сжал их, чувствуя, как ногти впиваются в кожу, но дрожь держалась ещё несколько ударов сердца. Это вызывало злость.

Осознание пришло медленно. Зрение прояснилось, свет стал ровным. Тронный зал Анреи обрёл чёткие очертания. Каменные своды поднимались высоко и терялись в полумра-

ке. Тишина давила на уши.

Взгляд сразу нашёл Аскер. Она стояла напротив Короля, на расстоянии нескольких шагов. Спина прямая, подбородок поднят, плечи напряжены. Плащ опускался ровно, ткань едва колыхалась от движения тумана. В её стойке чувствовалась собранность, но что-то в этой неподвижности резало взгляд и цепляло изнутри.

Её правая рука была отведена чуть в сторону, будто она не успела вернуть её на место. Пальцы сжаты, сухожилия натянуты под кожей. Один палец выбивался из общего ряда. Сустав стоял под неправильным углом. Линия кости нарушала привычный рисунок руки, и это бросалось в глаза.

Руиз нахмурился. Лоб стянуло, в висках глухо ударило. Он смотрел на её руку, пытаясь вспомнить, когда это произошло. Память не давала ответа.

В голове вспыхнуло короткое, резкое раздражение, за ним поднялась ярость. Она поднялась из живота к груди, ударила в горло, заставила сжать зубы. Дыхание стало тяжёлым, рваным.

Почти сразу поверх неё легло другое чувство. Тяжёлое, вязкое. Оно осело глубже, под рёбрами, и тянуло вниз. Это была вина.

Внутри зияла пустота, где должно было быть движение, решение, действие. Он исчез на короткий отрезок, и этого хватило. Она стояла перед Королём одна.

Тело отреагировало раньше, чем разум успел что-то ре-

шить. Мышцы напряглись, спина выпрямилась, дыхание выровнялось усилием воли. Всё внутри него уже двигалось в сторону неё, даже если ноги ещё не сделали шага.

– Аскер... – голос сорвался, вышел хриплым.

Она повернула голову. Взгляд встретился с его на короткий миг. В нём вспыхнуло живое, резкое, и тут же погасло. Лицо снова стало твёрдым. Линия рта сжалась. Но грудь поднималась быстрее, чем следовало, на виске блестела тонкая полоска пота. Плечо держалось выше другого, и ткань на нём натянулась.

Он шагнул к ней и перехватил запястье раньше, чем понял, что делает. Хватка вышла резкой, злой. Один палец лежал под неправильным углом, потому что был сломан.

– Что он сделал? – слова вырвались сами, жёсткие, как удар.

Она молчала.

– Аскер, – повторил он жёстче. – Я задал вопрос.

Она дёрнула руку от злости. Движение было быстрым, сердитым. Плечо дрогнуло. Но он не отпустил её, только чуть ослабил хватку.

– Мне нужен был ответ, – сказала она холодно, не отводя глаз.

Руиз медленно перевел глаза на Короля. Тот стоял неподвижно, будто всё вокруг происходило по его воле. Плечи расслаблены, подбородок чуть приподнят. Улыбка держалась на губах узкой линией. Взгляд скользил между ними,

задерживаясь в пространстве, которое разделяло их тела.

– Ты спросила, – произнёс он мягко. – Ты заплатила.

Слова прозвучали спокойно и опустились в тишину зала без колебаний.

Руиз ощутил, как внутри сжимается что-то тугое. Грудь стянуло. Он втянул воздух глубже, но дыхание осталось тяжёлым. Пальцы на запястье Аскер дрожали, и он сжал их крепче, словно это могло вернуть опору. В памяти вспыхнули обрывки серого света, чужие голоса, ощущение потери. Они навалились разом, сбили мысли, оставили только глухой шум в голове.

– Ты больше ничего не спросишь, – сказал он резко, не глядя на неё. – Ни одного грёбаного вопроса.

Собственный голос ударил по ушам. В нём звучала хрипота и напряжение. Она повернулась к нему. Взгляд стал острым, тёмным.

– Ты не решаешь за меня.

– Решаю, – ответил он грубо, сжав зубы. – Пожалуйста. Замолчи.

Слова сорвались жёстче, чем он рассчитывал. Горло жгло.

Он снова посмотрел на Короля. Тот продолжал улыбаться, наблюдая. Тишина между ними натянулась плотной нитью. В груди у Руиза нарастало давление. Свободная рука сжалась сама собой, пальцы побелели.

Ему хотелось ударить. Сделать шаг вперёд и стереть эту улыбку с лица, чтобы прекратить то движение, которое на-

чиналось внутри него и не находило выхода.

Перед глазами вновь вспыхнуло то, что туман показал ему внутри. Душераздирающий крик и гробовая тишина после него, сцены, которые ещё не произошли. Они не принадлежали прошлому. Они стояли впереди, и от них веяло той пустотой, от которой тело остаётся живым, а внутри что-то обрывается.

Он моргнул, и каменные своды тронного зала вернулись на место. Туман стелился у ступеней, тяжёлый и неподвижный.

Руиз повернулся к Королю.

– Как Аскер выйти из Анреи? – спросил он. Голос прозвучал низко и ровно. Слова легли прямо, без обходных путей.

Король улыбнулся шире. В глазах зажглось тихое удовлетворение. Он перевёл взгляд на руку Аскер, задержался на её пальцах, затем поднял глаза на Руиза.

– Я могу это сделать, – сказал он спокойно. Король чуть наклонил голову. – Цена будет выше, – добавил он. – Сломай ей руку.

Слова повисли в воздухе и разошлись под сводами слабым эхом. Туман у ступеней чуть сдвинулся.

– Нет, – сказал Руиз сразу.

Ответ сорвался прежде, чем мысль успела оформиться. Грудь сжало. Пальцы непроизвольно напряглись. Он всё равно посмотрел на её руку. На то, как она держит её ближе к телу, как мышцы на предплечье стянуты, как палец стоит под

неровным углом. На коже проступил бледный оттенок.

– Иди к чёрту, – произнёс Руиз глухо, глядя на Короля.

Король рассмеялся. Смех прозвучал легко и разошёлся по залу.

– Как пожелаешь, – ответил он. – Я получил достаточно.

Улыбка не сошла с его лица. Он сделал шаг назад.

В этот же миг Аскер вскрикнула. Звук был коротким и резким, будто что-то внутри неё рванулось и оборвалось.

Руиз увидел, как её тело согнулось вперёд. Плечи сжались, подбородок опустился к груди. Лицо побелело, губы приоткрылись в неровном вдохе. Она схватилась за грудь обеими руками, пальцы дрожали, ткань под ними смялась. Колени подогнулись, и ей пришлось сделать шаг, чтобы удержаться на ногах.

– Что ты сделал?! – рявкнул он.

Голос разнёсся под сводами, ударился о камень.

– Освободил, – ответил Король спокойно.

Его лицо оставалось ясным. Он стоял ровно, ладони опущены, взгляд обращён к ним. Туман в зале изменился. Он больше не лежал тяжёлым слоем. Серый пар поднялся выше, пополз по полу плотными волнами. Воздух стал вязким, тяжёлым. Каждый вдох требовал усилия.

– Бегите, – сказал Король почти мягко. – Пока можете.

Туман не бросился вперёд сразу. Он начал собираться. Пол под ногами дрогнул, камень отозвался глухим гулом. Серые потоки стекались к стенам и колоннам, к высоким про-

ёмам. Они сгушались, темнели, уплотнялись.

В их глубине проступили очертания. Сначала неясные, размытые. Затем плотнее. Руки, вытянутые вперёд. Плечи, тяжёлые и неровные. Лица без глаз, гладкие, пустые. Туман обретал форму.

– Идём! – рявкнул Руиз и толкнул Аскер к выходу из зала.

Она споткнулась, но удержалась, перехватила равновесие и рванула вперёд.

Первый удар пришёл сбоку. Из тумана вырвалась узкая полоса, плотная и острая. Она рассекла воздух у самого лица. Руиз развернулся и рубанул. Меч прошёл сквозь серую фигуру, разорвал её на две части. Туман распался, потянулся к полу и сразу начал собираться вновь.

Их окружали силуэты. Они поднимались из пола, вытягивались из стен, теснили со всех сторон.

– Коридор! – крикнула Аскер.

Они свернули в боковой проход. Каменные стены сжались вокруг. Туман поднялся снизу, вырос до человеческого роста и перекрыл дорогу впереди. Фигуры сомкнулись, перекрывая путь.

Аскер резко вскинула руку. Тени оторвались от стен и вытянулись плотной завесой. Они встали между ней и напирющими формами. Серые силуэты били в эту завесу, врезались, давили. Воздух наполнился шипением и скрежетом.

Справа Руиз встретил их мечом. Он бил без пауз. Рубил, колот, отталкивал. Лезвие входило в серую массу, рассекало

её, но разорванные куски стекались обратно. Один из силуэтов вырвался ближе. Узкий отросток, вытянутый из тумана, скользнул по его боку.

Боль ударила сразу. Жгучая, глубокая. Тело отозвалось спазмом. Он стиснул зубы и сделал шаг вперёд, не давая им сомкнуться.

– Беги! – рявкнул он Аскер.

Она прорвалась сквозь разорванную стену тумана. Он последовал за ней.

Коридор остался позади. Они вылетели наружу, на площадку перед замком. Холодный воздух ударил в лицо. Небо висело низко, серое. Поляна впереди скрывалась под слоем тумана.

Фигуры выходили из него одна за другой. Они двигались медленно, перекрывая направления, смещаясь, оставляя узкие проходы и тут же закрывая их.

– В лес! – крикнула Аскер и потянула его за собой.

Они рванули через поляну. Туман тянулся следом, хватал за сапоги, бил по спине плотными волнами. Руиз почувствовал ещё один удар. Он пришёлся по ноге. Жжение прошло вскользь, но ступня на мгновение подогнулась. Он выровнялся и продолжил бежать.

Лес встретил их холодом. Воздух ударил в лицо сыростью, запахом хвои и мокрой коры. Ветки хлестнули по плечам, сапоги скользнули по корням. Они не остановились.

Руиз слышал собственное дыхание и шаги Аскер рядом.

Серый туман стелился следом. Он вошёл между стволами без задержки, разлился по земле, поднялся к коленям. Формы не распались у кромки леса. Они скользили между деревьями, вытягивались вдоль стволов, обтекали корни.

Один силуэт прошёл рядом, задел ветви. Листья задрожали и осыпались на землю.

Руиз обернулся на бегу. За спиной не было прежней стены. Там, где раньше стояла плотная граница тумана, теперь тянулись деревья. Стволы уходили в глубину, и между ними двигался серый пар.

Он не задерживался. Он шёл вперёд. Руиз замедлил шаг. Грудь поднималась тяжело. Холод проник под одежду и лёг на кожу.

Туман вошёл в лес вместе с ними. Он больше не оставался у замка. Андрея вышла за пределы своих стен.

Глава 5. Слезы.

Они бежали, не сбавляя шага. Лес шёл им навстречу. Ветки били по лицу и плечам, цеплялись за рукава, рвали ткань. Под ногами расползалась мокрая земля, корни выпирали из почвы, скользили под подошвами. Каждый шаг требовал усилия. Аскер бежала впереди, быстро и ровно, не оглядываясь. Плечи под плащом держались жёстко, шаг оставался уверенным.

Руиз держался позади неё, сбивая дыхание о холодный воздух. В груди жгло.

Туман не отставал. Он тянулся между стволами, стекал по коре, поднимался от земли. Временами он собирался в плотные фигуры и двигался параллельно их бегу. Силуэты скользили сбоку, мелькали в просветах, исчезали за деревьями. Шаги глушились сыростью, но шорох шёл следом.

Рана на боку раскрывалась с каждым толчком. Жгло глубоко. Тепло крови разливалось под одеждой, ткань прилипала к коже. Он чувствовал, как она стекает вниз, липнет к поясу. Он стиснул зубы и не сбавил шаг.

– Быстрее, – бросила Аскер, не поворачивая головы.

Он кивнул, хотя она этого не видела. Воздух резал горло. Деревья впереди менялись. Красный мох исчезал. Почва темнела. Стволы становились выше, гуще. Сквозь туман проступило нечто иное. Огромный ствол поднимался вверх,

теряясь в серой вышине. Кора была тёмной, глубокой. Поверхность казалась плотной, сухой, живой. Он почувствовал это раньше, чем успел подумать.

Аскер резко сменила направление. Туман за спиной заволновался. Серые потоки ускорились, сгустились, потянулись ближе. Они рванули к дереву.

Одна из форм вырвалась вперёд. Силуэт ещё не был плотным, но узкий выступ успел скользнуть по боку Руиза. Ткань разошлась. Кожа разрезалась. Боль вспыхнула острой полосой.

Он выдохнул сквозь зубы и сделал ещё шаг. Аскер схватила его за рукав и потянула. Они влетели внутрь. Дверь захлопнулась за спиной.

Глухой удар отдался в спине. Тишина опустилась сразу. Воздух стоял неподвижно. Только дыхание било в висках.

Сердце колотилось так сильно, что отдавалось в ушах. Каждый вдох обжигал горло. Аскер прижалась спиной к двери, вдавливаясь в холодную древесину всем телом. Лопатки ныли от напряжения, ладони скользнули по шероховатой поверхности и упёрлись в неё, будто она могла удержать её силой рук. Несколько мгновений она стояла неподвижно, чувствуя, как под пальцами глухо дрожит створка.

Руиз согнулся, уперев ладони в колени. Он втянул воздух слишком глубоко, и грудь болезненно свело. Второй вдох вышел короче, третий прервался на середине. Кровь шумела в висках, рана на боку пульсировала, и тёплая влага под одеж-

дой напоминала о себе при каждом движении.

За дверью туман шуршал. Глухой звук скользил вдоль дерева, словно что-то касалось его ладонью. Воздух в помещении оставался неподвижным.

Когда стало ясно, что створка не дрожит под напором и серый пар не просачивается внутрь, Аскер оторвалась от двери и обернулась.

– Какого чёрта ты наделал?! – выпалила она. Голос прозвучал резко, срываясь на хрип. Гнев держался в нём открыто, без прикрытия, и сквозь него уже проступала усталость. – Да что с тобой не так?!

Руиз выпрямился. Спина отозвалась болью, но он не обратил на неё внимания.

– Мне надо было позволить ему переломать тебе все пальцы?! – рявкнул он.

Слова прозвучали громче, чем он рассчитывал.

– Да к чёрту эти пальцы! – она махнула рукой.

Движение отдалось болью. Лицо её побледнело. Зрачки расширились, дыхание сбилось. Она резко втянула воздух и на мгновение закрыла глаза, будто пытаясь удержать равновесие.

Руиз замер.

– Следи за языком. – Голос стал ниже.

Аскер несколько секунд молчала. Пальцы её здоровой руки сжали запястье повреждённой. Сустав ныл, пульсировал, боль шла по руке вверх, к плечу.

– Да к чёрту, – выдохнула она глухо. – И пальцы. И этот мир. И всё остальное.

Слова сорвались тихо, тяжело.

– Аскер... – начал он уже тише.

Она не ответила. Слёзы на её щеках выступили неожиданно. Не бурей и не рыданием, они просто появились. Потекли по щекам, молча, без звука, будто тело наконец позволило себе то, что разум запрещал слишком долго.

Руиз почувствовал, как внутри что-то обрывается. Он никогда не видел её слёз.

– Всё... всё в порядке? – спросил он, и собственный голос прозвучал непривычно тихо и растерянно.

Аскер медленно покачала головой.

– Ничего не в порядке, – сказала она глухо. – Я устала. Я безумно устала.

Слова дались с усилием. Она провела ладонями по лицу, стирая слёзы, но влага продолжала стекать по щекам. Кожа под пальцами была чёрной, отчего не было видно красноты. Дыхание оставалось неровным. Повреждённую руку она держала ближе к телу, и пальцы здоровой ладони крепко сжимали запястье, будто так можно было удержать боль.

– А ты... – начала она и замолчала, потому что мысль не складывалась в слова.

Губы дрогнули, в плечах прошла мелкая дрожь. Она отвела взгляд в сторону, пытаясь справиться с тем, что поднималось изнутри.

Руиз сделал шаг к ней, и доски пола тихо скрипнули под сапогом. Он поднял руку, собираясь коснуться её плеча, но остановился, не доведя движение до конца. Пальцы зависли в воздухе. Он смотрел на неё, пытаясь понять, станет ли прикосновение поддержкой или причинит новую боль.

В этот момент в тишине раздался голос:

– Столько лет прошло, а ты всё плачешь, принцесса. – Он прозвучал спокойно и ровно, без колебаний.

Руиз резко обернулся.

Женщина с рыжими волосами стояла в нескольких шагах от них. Свет из печи ложился на её лицо, выхватывая грубый шрам, тянувшийся от виска к подбородку. Кожа вокруг него была стянута и бледна. Она смотрела прямо на Аскер, не отводя взгляда. В её глазах не было растерянности. Только внимательность и готовность к удару.

Аскер выпрямилась. Пальцы на больной руке сжались сильнее.

– Ты лживая... – выдавила она.

Слово повисло в воздухе и оборвалось. Шейрида тихо цокнула языком. Звук прозвучал сухо и отчётливо.

– Следи за языком, – сказала она ровно.

Её взгляд скользнул к Руизу, задержался на его лице, затем опустился к боку, где ткань потемнела от крови. Она осмотрела его быстро, без смущения.

– А теперь кто-нибудь объяснит мне, почему у моего дома шныряет туман?

– Ты ещё спрашиваешь?! – Аскер вытерла рукавом щёки, оставляя на ткани влажные следы.

Шейрида прищурилась. В уголках глаз легли тонкие складки.

– Ты имеешь право злиться, – сказала она твёрдо. – Но если продолжишь, будешь делать это за дверью.

Она шагнула в сторону, освобождая проход. Доски пола тихо скрипнули под её весом.

– А теперь мы разберёмся с вашими ранами. И поговорим. За дверью туман шуршал по дереву. Звук был глухим и настойчивым. Внутри воздух оставался неподвижным. Сердца всё ещё били слишком быстро. Спокойствие не вернулось. Но дверь стояла крепко, и стены не дрожали.

Глава 6. Конец Винора.

Дом лорда Дамира пах чужим присутствием. Тёплый камень стен хранил аромат дорогих масел. В воздухе стоял лёгкий металлический привкус, тонкий, сухой. От клумб за окнами тянуло цветами, но поверх всего держался плотный, уверенный человеческий запах, пропитавший мебель, ткань и пол.

Ронар лежал у стены на прогретом камне, поджав лапы под грудь. Тепло под животом было ровным и спокойным.

Дамир не смотрел на кота. Его взгляд проходил мимо, как мимо кресла или статуи. Для него Ронар был частью обстановки. Живой, но незначительный. Ронар не двигался и не собирался менять этого впечатления.

Авалис сидела напротив. Спина была прямая, руки сложены на коленях. Подбородок поднят. Платье лежало ровно, ни складки не выбивалась. Она держала дыхание ровным. Только пальцы едва заметно сжимали ткань.

Ронар знал эту позу. Она принимала её, когда собирала себя в жёсткую оболочку. Когда входила туда, где каждое слово имело вес.

Охори стоял у окна, скрестив руки на груди. Плечи под тёмной тканью были напряжены. Челюсть сжата. Время от времени его глаза соскальзывали на Дамира и возвращались к стеклу. В нём чувствовалось сдержанное движение, будто

тело готово шагнуть вперёд, но приказа не последовало.

За окнами Винор жил вечерней жизнью. Свет уже ушёл за крыши, но улицы оставались полны людей. Шаги, смех, стук доносились приглушённо сквозь стекло. Они сами недавно шли по этим улицам.

Винор выглядел ухоженным и спокойным. Дома стояли ровно, фасады блестели белилами. И всё же в этом порядке чувствовалось напряжение. Власть здесь держала всё крепко.

Ронар поднял голову раньше остальных. Уши дрогнули, зрачки сузились. Крик прорезал вечер коротко и резко, словно воздух разорвали ножом. Он оборвался почти сразу, но в этом обрыве слышалась спешка и боль.

Авалис замерла, пальцы сжали ткань на коленях.

– Вы слышали? – спросила она.

Дамир поднял голову не сразу. Он медленно перевёл взгляд к окну, нахмурился и прислушался. В чертах лица проступило недовольство, будто шум нарушил привычный ход вечера.

– Наверняка пьяная драка, – сказал он спокойно. – Вечером такое случается.

Голос оставался ровным.

Ронар втянул воздух глубже. Нос уловил то, что не звучало в словах. В запахах появилась новая нота. Тёплая. Металлическая. Её не было несколько мгновений назад. Кровь.

Она ещё не растеклась по мостовой, но уже поднималась

вверх. Запах тянулся снизу, из глубины улицы, и становился плотнее. В комнате стало тише. Даже дыхание звучало отчётливее.

Дамир повернулся к окну и сделал шаг вперёд. Охори отодвинул занавесь, открывая вид на улицу.

За окном столица Винора перестала быть тихим вечерним городом.

Туман полз по мостовой, густой и плотный. Он не лежал лёгкой дымкой. Серые потоки стекались к середине улицы, скручивались, поднимались вверх. В них проступали очертания. Сначала размытые, затем всё чётче. Руки вытягивались из серой массы. Узкие выступы блеснули, словно лезвия. Кривые отростки изгибались, напоминая крючья.

Из переулка выбежал человек. Он споткнулся на неровном камне и рухнул на колени. Попытался подняться, ладони скользнули по мостовой.

Туман ударил сразу с нескольких сторон. Серые отростки вонзились в грудь. Тело дёрнулось. Шея изогнулась под резким толчком. Хруст прозвучал отчётливо. Кровь брызнула на светлый камень, растеклась тёмным пятном. Тело обмякло и осталось лежать, раскинув руки.

С улицы донёсся крик. Затем ещё один. Люди побежали в разные стороны. Кто-то налетел на лежащего и упал рядом. Кто-то поскользнулся на крови. Серые фигуры двигались без спешки, пересекая путь, вырастая там, где только что было пусто.

– Закройте окна, – резко сказал Дамир. – Немедленно.

Голос его стал жёстким. Один из слуг на мгновение замер, глядя вниз. Пальцы дрогнули на шнуре занавеси. Затем ткань рванули в сторону, ставни захлопнулись с глухим стуком.

Шум с улицы приглушился. Но запах крови уже проник внутрь.

– Это... это что-то случайное, – сказал Дамир уже тише.

Он стоял у окна, ладонь легла на раму. Пальцы побелели, но голос держался ровно.

– Не стоит поднимать панику, – добавил он, но голос дрогнул.

– Панику? – тихо повторила Авалис.

Она не смотрела на закрытые ставни. Её взгляд скользнул по комнате. По слугам, которые торопливо задвигали засовы. По занавесям, которые дёрнули слишком резко. По лицам, где страх прятали за покорностью. Дверь захлопнули с глухим ударом. Доски пола дрогнули под шагами.

Авалис стояла неподвижно. Плечи выпрямились. Пальцы её руки дрогнули и сжались в кулак так, что ногти впились в кожу. Кровь отхлынула от кожи.

За ставнями раздался ещё один крик. Он был короче предыдущего. В комнате никто не двинулся к двери.

Ронар лежал на камне и смотрел снизу вверх. Усы дрогнули. В воздухе густел запах крови, пробиваясь сквозь масла и цветы. Дамир отвёл глаза от окна. Челюсть его напряглась,

но лицо оставалось собранным.

Ронар прищурился.

Даже если хозяин дома верил в собственные слова, они не меняли того, что происходило за стенами.

И в этот момент тело перестало слушаться. Сначала поплыл мир. Камень под лапами утратил твёрдость, словно поверхность стала пружинящей. Внутри что-то сдвинулось и провернулось. Не боль, но резкое, чуждое ощущение, от которого дыхание сбилось. Кожа натянулась, будто стала тесной.

Не сейчас.

Ронар попытался подняться. Лапы под ним дрогнули, кости начали тянуться, плавно менять форму. Позвоночник выгнулся. Взгляд расплылся, линии комнаты потеряли чёткость. Из груди вырвался хрип, уже глубокий, человеческий.

Тело вытянулось, шерсть втянулась в кожу, лапы распались на пальцы. Камень под ним стал холоднее и резче. В несколько рывков кот исчез. На его месте стоял мужчина. Голый торс блестел от пота. Белая ткань штанов плотно легла на бёдра, сохранив очертания прежнего облика. Плечи тяжело поднимались и опускались. Мышцы под кожей всё ещё подрагивали, будто не закончили перестраиваться.

Он стиснул зубы. В груди kloкотало раздражение. Ярость поднималась быстро, горячо. Она была направлена не на напряжение в комнате и не на происходящее за стенами. Она была против этого тела, которое выбрало момент само.

– Нет, – резко сказала Авалис, поднимаясь. – Только не здесь...

Она резко подалась вперёд. Ткань платья натянулась на коленях. В её голосе впервые прорезалось открытое напряжение. Она встала между Ронаром и Дамиром, будто это могло изменить уже случившееся.

Охори шагнул вперёд почти одновременно. Он тоже встал так, чтобы закрыть Ронара от прямого взгляда, и его ладонь легла на рукоять клинка. Плечи напряглись, челюсть сжалась. Дыхание стало медленным и тяжёлым.

Ронар упёрся ладонями в пол. Камень охлаждал кожу, возвращал ясность. Он поднял голову и встретил глазами с Дамиром.

В комнате стало тихо. Даже шорох занавесей стих.

В глазах Дамира не было удивления. Только сосредоточенность. Будто он перебирал в памяти давно услышанные слухи, черты, детали, складывал их одну к другой. В комнате стало так тихо, что слышно было, как за стенами шуршит туман.

Дамир чуть наклонил голову.

– Тенебрис.

Имя прозвучало спокойно, но в тишине оно легло тяжёлым ударом. Оно не было вопросом. Оно было утверждением.

Охори медленно повернул голову к Ронару. В его взгляде мелькнуло понимание. Авалис замерла, пальцы её сжались,

дыхание на миг остановилось.

Ронар почувствовал, как внутри что-то напряглось. Это имя он не слышал вслух давно. Оно не принадлежало этой комнате, этому городу. Оно тянуло за собой прошлое, кровь и клятвы. Он поднялся медленно, не отводя глаза.

– Называй меня Ронар, пожалуйста, – сказал он ровно. Голос звучал спокойно, но под кожей стучало сердце.

За окнами туман прижался к ставням плотнее. Дерево тихо скрипнуло.

Глава 7. Конец Эхиса.

Ночь в Эхисе стояла неподвижной. В каменных кварталах тишина ложилась тяжёлым слоем и не сулила покоя. Стены домов удерживали дневной холод, и он медленно вытягивал тепло из воздуха, из постелей, из тел. Камень дышал ровно и глухо.

Ломар стоял у стола в своих покоях. Свечи он не зажигал. В полумраке предметы теряли резкость, и это его устраивало. Яркий свет делал мысли навязчивыми. День затянулся. Он устал не столько телом, сколько головой. Слишком много мелких распоряжений. Слишком много лиц, которые требовали внимания. Слишком много слов, сказанных вполголоса.

Он уже снял камзол. Ткань лежала на кресле. Рубаха была расстёгнута, ворот разошёлся на груди. Он лениво стянул ткань с тела и бросил к камзолу.

Он собирался лечь, когда крик прорезал ночь. Звук был коротким и резким. Он не тянулся, не рассыпался. Он оборвался так внезапно, что тишина после него стала плотнее.

Ломар замер. Ладонь легла на гладкое дерево. Холод прошёл в кожу. Он прислушался. Второй крик раздался ниже и ближе. Затем третий. Внизу глухо ударило что-то тяжёлое. Звук был тупым и плотным.

Мысль о пожаре мелькнула первой. Мысль о бунте – сле-

дом. Ни одна не совпадала с тем ощущением, которое поднималось под кожей и заставляло дыхание замедлиться.

Он быстро подошёл к окну и распахнул ставни. Дерево ударилось о стену. Холодный воздух ворвался в комнату и обжёг лицо.

В нескольких кварталах пылали крыши. Пламя рвалось вверх неровными языками. Огонь отражался в каменных фасадах, в стекле, во влажной мостовой. Свет дробился, ложился ломаными полосами, и улицы казались изрезанными огнём.

– Что за... – пробормотал он.

Город знал беспорядки. Ломар видел бунты раньше. В них был ритм. Толпа двигалась волной. Центр всегда находился. Сейчас его не было.

Пожары вспыхивали в разных местах сразу. Люди бежали беспорядочно. Движение не складывалось в строй. Оно распадалось.

И тогда он увидел туман. Он поднимался со стороны внешних стен. Плотный, тяжёлый. Он сгушался, словно из-под камня выдавливали серую массу. Стража на стенах сначала заволновалась, движения их стали неуверенными. Люди переговаривались, наклонялись через парапет, указывали вниз.

Туман двинулся. В серой глубине проступили формы. Чёткие. Руки вытянулись вперёд. Длинные, изломанные. Края сверкнули, словно лезвия.

Один из стражников закричал. Туман ударил без задержки. Серые отростки вонзились в тело. Человек дёрнулся и исчез в массе. Кровь брызнула на камень, потекла по стене тёмными полосами. Второго стражника потянули вниз. Крик оборвался быстро и глухо.

Мечи вспыхнули в руках защитников. Удары рассекали серую плоть. Она распадалась и снова собиралась. На несколько мгновений люди удержали край стены. Затем туман поднялся выше и ударил снова.

Ломар не отвёл взгляда. Перед ним не было сражения. Перед ним была резня. Он втянул воздух глубже и заставил дыхание выровняться.

Он резко развернулся и сорвался с места, на ходу натягивая рубаху. Ткань скользнула по плечам, пуговицы не сразу попали в петли, пальцы работали быстро и жёстко. Воздух в коридоре был холодным, и кожа на груди покрылась мурашками.

– Стража! – голос разнёсся по коридорам. – Запереть двери. Все. Немедленно. Закройте окна. Усилить охрану внутренних переходов.

Слова легли чётко, без повышения тона.

– Ваше Высочество?.. – стражник у двери шагнул вперёд, на лице мелькнуло замешательство.

Ломар остановился на долю секунды и посмотрел на него. Взгляд был коротким, прямым, без колебаний.

– Сейчас.

Стражник развернулся и побежал по коридору, выкрикивая приказ дальше. За поворотом уже слышались шаги и лязг металла.

Ломар двинулся к лестнице. Каменные плиты под босыми ступнями были холодными и гладкими. Он спускался быстро, перехватывая перила, чтобы не сбиться. Где-то ниже хлопнула дверь. Послышались голоса. Один из слуг пробежал мимо, прижимая к груди связку ключей.

Замок просыпался рывками. Люди выходили из комнат, переговаривались, кто-то спрашивал, что происходит. Двери закрывались с глухими ударами. Ставни опускались. Внутренние переходы перекрывали тяжёлыми засовами.

Ломар спустился на следующий пролёт, шаг не замедлялся. В голове выстраивалась последовательность действий. Закрывать входы. Перекрывать лестницы. Удерживать центральный двор.

Мысль о тех, кто оставался за стенами, мелькнула и попыталась задержаться. Он отбросил её и продолжил спуск.

В большом зале он задержался лишь на мгновение. Пламя факелов дрожало от сквозняка. Тени метались по сводам. Стражники собирались у входов, кто-то уже тянул засовы, кто-то ждал приказа.

– Объявите предупреждение, – сказал он ближайшим. – Пусть люди остаются в домах. Закрывать ворота. Любой, кто окажется на улице, должен бежать к ближайшему укрытию.

Голоса стихли. Один из младших стражников шагнул впе-

рѣд.

– Но там люди...

– Я знаю, – перебил Ломар.

Он не повысил голос. От этого слова прозвучали жѣстче.

– Выполнять.

Стражник кивнул и побежал к лестнице. Металл доспехов звякнул о камень. Кто-то повторил приказ дальше по коридору.

Ломар остался стоять на месте ещё один вдох. Грудь поднялась и опустилась медленно. Это решение не требовало красивых слов. Оно требовало скорости.

Он развернулся и направился к покоям королевского советника. Шаги отдавались по плитам. Поворот за поворотом. Двери распахивались перед ним и захлопывались за спиной.

Комнаты оказались пустыми. Свечи догорали. На столе лежали бумаги. Кресло было отодвинуто. Слуги, стоявшие у стены, переглянулись и поджали губы.

– Мы не видели его с вечера, Ваше Высочество.

Ломар молча кивнул. Пальцы его сжались в кулак. Ногти впились в ладонь.

В памяти всплыл Галберт. Тѣмная кожа. Спокойная походка. То, как серый туман скользил по нему и не причинял вреда. Образ вспыхнул резко.

Та ассасин, что отравила его, сейчас была бы полезна, как источник сведений о том, с чем они столкнулись. Мысль зацепилась глубже, чем следовало.

Он разжал кулак и заставил себя идти дальше.

Когда шум в замке стал тише и шаги по коридорам разошлись в разные стороны, Ломар понял, что уснуть не сможет. Приказы были отданы. Двери закрыты. Стража расставлена. Город за стенами продолжал кричать, и этот звук не отпускал.

Он вышел из покоев и направился в библиотеку.

Здесь всегда держался холод. Каменные стены впитывали тепло и отдавали его медленно. Воздух пах бумагой и пылью. Ряды книг тянулись вдоль стен ровными линиями. Корешки стояли плотно, без перекосов. В этом порядке было что-то успокаивающее. Ничто не двигалось без причины. Ничто не кричало. И всё же он почувствовал чужое присутствие сразу.

У дальнего стеллажа стояла фигура. Неподвижная, слишком тихая. Чёрное платье доходило до щиколоток, ткань лежала ровно. Белый передник был завязан аккуратным бантом. Слугам запрещалось входить сюда без разрешения.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он резко.

Девушка вздрогнула. Плечи дёрнулись. Она не обернулась.

– Простите, милорд, – сказала она тихо. – Я... я сейчас уйду.

Она шагнула в сторону, собираясь пройти мимо. Ломар схватил её за руку. Движение вышло резким. Пальцы сжали запястье сильнее, чем он рассчитывал. Кожа под ладонью оказалась тёплой.

– Кто дал тебе разрешение? – спросил он холодно. – Назови имя.

Она повернулась. Это была Эйлин. Он узнал её сразу. Свет из узкого окна лёг на лицо, выхватил знакомые черты. Та же линия подбородка. Те же глаза. Он разжал пальцы и отпустил её руку, выпрямившись.

– Я спрашиваю, – повторил он ровнее. – Что ты здесь делаешь?

Эйлин сглотнула. Горло её дрогнуло.

– Я заходила к отцу, Ваше Величество. Он работает здесь. Его зовут Сильви.

Имя прозвучало тихо.

За окнами, вдалеке, снова раздался крик. В библиотеке оставался только холод камня и запах старых страниц.

Глава 8. Я жду объяснений.

Аскер стояла прямо, слишком прямо. Колени едва заметно дрожали, но она не позволяла им подогнуться. Спина держалась натянутой струной. Дверь за её спиной была тяжёлой, и дерево ещё хранило глухой удар. Воздух в доме был тёплым, от очага тянуло жаром, но под кожей всё равно держался холод. Он сидел глубоко, в груди и в ладонях.

Руиз опустился у стены и прислонился плечом к бревенчатому столбу. Дерево упёрлось в спину твёрдо. Кровь стекала по боку медленно, впитывалась в ткань, темнела. Он не смотрел вниз. Взгляд оставался рассеянным, будто он всё ещё прислушивался к чему-то далёкому. Дыхание было глубоким и неровным. Грудь поднималась рывками.

Шейрида подошла к Аскер без слов. Взяла её за запястье и осторожно повернула ладонь вверх. Кожа на пальцах была холодной, но повреждённый сустав горел. Один палец стоял под неправильным углом. Сустав начал распухать, кожа натянулась и блестела.

– Даже спрашивать не буду, как ты его сломала, – сказала Шейрида спокойно. – Надо вправить.

Она отпустила руку и отошла к столу. Провела взглядом по полкам, достала чистую тряпицу, пучок сушёных трав, ступу. Камень тихо звякнул о камень. Травы легли на стол, распространив терпкий запах.

Аскер не села. Пальцы здоровой руки обхватили повреждённую, удерживая её ближе к телу. В доме стояла тишина. Напряжение чувствовалось в каждом вдохе.

Шейрида снова протянула руку к её ладони. Движение было точным и спокойным, без спешки.

Аскер дёрнулась резко. Запястье выскользнуло, сустав отозвался острой болью, и белая вспышка на миг затмила всё вокруг. Она втянула воздух сквозь зубы и прижала повреждённую руку к груди, будто могла удержать кость на месте силой мышц.

– Не трогай.

Шейрида остановилась. Ладонь зависла в нескольких вершках от цели. Взгляд стал внимательнее.

– Это не просьба.

– Мне не нужна твоя помощь.

Фраза упала тяжело. Аскер не смотрела ни на неё, ни на Руиза. Подбородок держался высоко, но дыхание выдавало напряжение. Плечи были подняты, пальцы здоровой руки вцепились в ткань платья так, что костяшки побелели.

Руиз поднял голову сразу. Взгляд сфокусировался.

– Ты серьёзно сейчас? – голос Руиза прозвучал жёстко. – Аскер, перестань.

Она не повернулась.

– Я сказала – не надо.

– У тебя палец сломан, – он резко поднялся, но рана на боку дёрнула, и тело отозвалось слабостью. Он опустил об-

ратно, стиснув зубы. – Это не геройство. Это тупость.

Шейрида коротко фыркнула и выпрямилась.

– Он прав.

Аскер медленно перевела на неё взгляд. В глазах не было растерянности. Там стояло упрямство, жёсткое и закрытое.

– Я не ребёнок. И я сказала – нет.

Шейрида прищурилась, оценивая.

– Странно. Очень похоже.

Уголок губ Аскер дёрнулся. Усмешка вышла короткой, без веселья. Несколько секунд они стояли друг напротив друга. Треск дров в очаге звучал слишком громко. Запах трав, растёртых в ступе, смешался с запахом крови.

Руиз резко выдохнул.

– Хватит, – сказал он, глядя на них обоих. – Прекращай. Это уже начинает бесить.

– Ты вообще молчи, – отрезала Аскер, не отводя взгляда от Шейриды. – Мы ещё не обсудили, какого чёрта ты устроил в тронном зале.

Слова ударили. Руиз замер. Плечи напряглись. Рука невольно сжалась в кулак, ткань на боку потемнела сильнее.

В комнате снова стало тихо. Только за стеной тихо шуршал ветер.

Боль шла толчками. Она поднималась от пальца, прокачивалась по запястью и оседала под ключицами тяжёлым комом. Грудь сжималась не только от ранения. От злости. От того, что её снова берут за руку, распоряжаются, решают за

неё.

Аскер отступила на шаг. Пол под босыми ступнями оказался холодным. Потом ещё на один. Доски тихо скрипнули. Тень от очага дрогнула и потянулась к её ногам, легла на подол, поднялась выше. Очертания смягчились, вытянулись, тело стало легче, ниже к полу. Ткань осела. Через мгновение на досках стояла кошка. Уши были прижаты, хвост напряжённо подёргивался. В полумраке аметистовые глаза вспыхнули холодным светом.

Руиз поднялся почти сразу, забыв на секунду о боку.

– Нет, – сказал он резко. – Нет, чёрт возьми. Не смей уходить от лечения.

Кошка подняла голову. Взгляд был прямым.

– В этом теле я почти не чувствую боли, – коротко бросила она. – Если тебе от этого легче.

Он замер. Пальцы, которыми он опирался о столб, побелели. В её голосе не было колкости. Ни вызова. В нём звучала усталость.

– Ты... – он осёкся, сжал челюсти так, что на скулах выступили жёсткие линии. – Ты ведёшь себя глупо.

Кошка прищурилась, медленно моргнула.

– Ты тоже.

Между ними повисла тишина. Только огонь в очаге треснул, осыпав искры.

Руиз сжал руку в кулак, и рана отозвалась сразу. Он едва заметно поморщился, плечо дёрнулось.

Шейрида хмыкнула тихо, без тени веселья.

– Если вы закончили, – сказала она, переводя взгляд на его бок, – я посмотрю, что у тебя там.

Она уже тянулась за чистой тряпицей, будто не сомневалась, что спор придётся отложить.

Шейрида подошла к нему без лишних слов и резким движением оттянула ткань рубахи в сторону. Она прилипла к коже, пропиталась кровью, и когда она оторвала её, рана раскрылась снова. Руиз не отстранился. Он даже не посмотрел вниз, будто зрение могло усилить боль. Плечо его оставалось напряжённым, дыхание стало глубже.

Шейрида наклонилась ближе. Запах крови смешался с запахом дыма от очага. Она внимательно осмотрела разрез, провела пальцами по краю, проверяя глубину. Губы её сжались. Она ничего не сказала, только развернулась и шагнула к столу.

Травы лежали в глиняной миске. Она растёрла их пестиком, добавила густую тёмную настойку. Воздух наполнился сильной, терпкой горечью. Она вернулась быстро.

– Сиди. Дёрнешься – будет хуже.

Он остался на месте. Пальцы его вцепились в край скамьи. Она приложила ткань к ране и надавила. Кровь снова выступила, тёплая, густая. Руиз втянул воздух сквозь зубы. Челюсть напряглась, на виске выступила вена. Мышцы под её пальцами вздрогнули, но он не отстранился.

– Арелин была якорем, – произнесла Шейрида, будто про-

должала давно начатый разговор.

Кошка на полу резко подняла голову. Уши выпрямились.

– Мы это знаем.

Шейрида не отвела взгляда от раны.

– Она не могла уйти. Не знаю, что именно она тебе сказала. Но одиночество ломает даже богов.

Повязка легла плотнее. Руиз стиснул зубы ещё сильнее.

– Так же, как и тебя, – тихо фыркнула Аскер.

Шейрида на мгновение замерла, затем продолжила, не меняя тона:

– Не пререкайся, принцесса. Я хотя бы не оказалась в Чёрных горах.

Руиз коротко усмехнулся, не поднимая головы.

– Может, мне тоже начать звать тебя принцессой?

Он тут же пожалел о словах. Пальцы Шейриды сжали бинт крепче, давя на рану. Боль вспыхнула ярко, сжала грудь. Он зашипел, пальцы его соскользнули со скамьи и впились в дерево.

– Пр-р-родолжай, – отозвалась Аскер с пола. – Мне нр-р-равится, как он кор-р-рчит.

Шейрида бросила на неё быстрый взгляд. Лицо осталось неподвижным.

– Двадцать лет в одиночестве, – продолжила она. – Я не знаю, что именно сломало Арелин. Но знаю, что она хотела выбраться любой ценой.

Она затянула бинт туго. Ткань плотно обхватила торс. Ру-

из выдохнул медленно, сдерживая дрожь в плечах.

Кошка медленно опустилась на пол, хвост обвился вокруг лап. Свет от очага ложился на её белую шерсть тёплыми полосами, но тепла внутри не было.

– Почему я стала якор-р-рем? – спросила Аскер тише.

Голос прозвучал глухо, словно слова пришлось проталкивать сквозь что-то плотное.

Шейрида не сразу ответила. Она поправила край повязки, провела ладонью по бинту, проверяя, как легла ткань, и только потом выпрямилась.

– Потому что ты выжила, – сказала она спокойно. – Обычные люди не выдержали бы. Ты – полубог.

Слово осело тяжёлым грузом. В нём не было величия. Только вес. Кошка не отвела взгляда.

– Ты ей помогла.

– Да.

Ответ прозвучал без колебаний.

Аскер молчала. Под лапами чувствовалась шероховатость досок, заноза царапнула подушечку, но это едва дошло до сознания. Причина есть всегда. Даже если её не хотят слышать.

– Почему?

Шейрида посмотрела на неё долго. В её глазах не мелькнуло ни сожаления, ни оправдания. Только усталость, старая и глубокая.

– Потому что она пообещала не трогать моих детей.

Слова легли между ними и остались лежать. В доме стало тесно от тишины. Даже огонь в очаге притих, только угли тихо осыпались. За дверью туман продолжал шуршать, но этот звук словно отдалился.

Аскер не сразу втянула воздух. В кошачьей груди что-то сжалось. Не вспышкой боли. Не страхом. Холодом, который приходил всякий раз, когда мир раскрывался шире и оказывался темнее.

– Они умер-р-ри, – произнесла она наконец.

Голос вышел ровным. Только кончик хвоста дрогнул, выдав напряжение.

Шейрида не отвела взгляда.

– Не будь глупой, принцесса. Твоя мать способна на всё. И даже их смерть не остановила бы её.

Слова не задели Шейриду. Они легли на Аскер. Туда, где ещё теплилась тонкая, почти стёртая надежда, что в Арелин оставалось что-то человеческое.

Кошка опустила голову. Уши прижались плотнее. Лапы поджались к груди, будто это могло удержать что-то внутри от окончательного разлома.

Руиз сидел, опираясь спиной о стену. Повязка тянула кожу на боку, пропитанная настойкой ткань холодила рану. Он смотрел в огонь, но взгляд его был не в пламени.

– Если якоря больше нет... – сказал он тише.

Слова выходили медленно, будто приходилось проталкивать их через боль. Горло сжалось, дыхание стало тяжёлым.

Шейрида перевела на него взгляд. Долго смотрела, взвешивая, стоит ли открывать следующую дверь.

– Тогда туман ничто не держит, – произнесла она наконец.
– Нигде.

В этот момент за дверью протянулся скрежет. Длинный. С нажимом. Будто кто-то провёл когтями по древесине, проверяя толщину. Бревна едва заметно дрогнули. В щелях мелькнула серая тень.

Аскер почувствовала холод вдоль позвоночника. Он поднимался медленно, заполняя спину, затылок. Шерсть на загривке встала дыбом. Она больше не могла держаться в стороне. Не из доверия. Слишком многое внутри треснуло сегодня, чтобы стоять одной.

Кошка мягко поднялась с пола и запрыгнула к Руизу на колени. Тело её было напряжённым, но она всё же свернулась, вжимаясь боком в его живот. Через ткань рубахи чувствовалось тепло. Живое. Настоящее.

Руиз замер. Плечи его едва заметно вздрогнули, словно он не был готов к этому прикосновению. Потом ладонь опустилась ей на спину. Осторожно. Почти не думая. Пальцы прошли по шерсти и задержались. Один раз дрогнули и замерли. Аскер не отстранилась. Сердце билось быстро, но под его ладонью дыхание постепенно выравнивалось.

За дверью туман продолжал шуршать, скрести, касаться древесины. Он не отступал.

И в этой тишине стало ясно: стены не спасают. Они лишь

дают время. Короткое и хрупкое.

Глава 9. Убери свои руки.

Ночь в доме Дамира не совпадала с тем, что творилось под его окнами. Слишком много тепла, слишком много света для улиц, где лежали тела.

Внутри было тихо. Тишина не успокаивала. Она стояла густо, как перед судорогой, когда мышцы уже готовы сжаться. Каменные стены отдавали накопленным за день теплом, но это тепло казалось зыбким. Пламя в светильниках дрожало от малейшего движения воздуха.

Авалис сидела у окна, положив ладони на подоконник. Камень был прохладным, шероховатым. Она не смотрела вниз. Смотреть не требовалось. Туман ощущался кожей, давил на виски, будто стоял не за стеклом, а вплотную к лицу.

Винор угасал красиво. Ровные фасады домов уходили в серую дымку. Широкие улицы тянулись пустыми лентами. Факелы один за другим погасли, и редкие огни в окнах выглядели случайными искрами. Эта правильность, эта стройность линий делали происходящее ещё тяжелее.

Внизу, вдоль склона, лежала пустота. Не ночная, когда слышно, как шаги редких прохожих отражаются от камня. Здесь звука не было вовсе. Ни крика, ни спешных шагов. Людей на улицах не осталось. На светлом камне темнели пятна. В углах сгущались тени.

Те, кто ещё дышал, прятались за дверьми. В домах дер-

жали свет тусклым. Говорили шёпотом или вовсе молчали. Даже дыхание старались делать тише, будто город мог услышать и откликнуться.

Авалис провела пальцами по стеклу. Оно было холодным. За ним, в серой массе, что-то медленно шевельнулось.

Дамир пил. Он не скрывался и не искал оправданий. Кубок поднимался к губам снова и снова, будто это движение было таким же естественным, как дыхание. Вино переливалось через край, оставляя тёмные следы на пальцах. Он не вытирал их. Рука дрожала едва заметно, но он удерживал её усилием. Не шатался. Стоял прямо, опираясь ладонью о стол, и в этом упрямстве было больше тревоги, чем в любом крике.

Охори держался у стены. Руки были скрещены на груди, пальцы спрятаны под локтями. Он не смотрел на брата, будто одно лишнее движение головы могло сорвать тонкую нить сдержанности. Лицо оставалось спокойным, но челюсть была сжата так, что на скулах проступили жёсткие тени. Он давно ждал, что мир даст трещину. Теперь просто наблюдал, как она расходится.

Ронар сидел отдельно от них. Авалис ловила себя на том, что взгляд снова и снова возвращается к нему. Проверяла. Убеждалась. Он не прижимался к стене и не искал тени. Спина оставалась прямой, плечи напряжёнными. Ладони лежали на коленях, пальцы медленно переплетались и разжимались, будто в них собиралась невысказанная мысль. Он смотрел в

пол, но не видел досок. Взгляд был глубже.

Он поднялся и подошёл к ней почти бесшумно. Она почувствовала его раньше, чем слышала шаги. Тепло тела. Запах ткани, нагретой кожей. Живое присутствие рядом, которое не требовало слов.

– Тебе нужно поспать, – сказал он тихо.

Голос был спокойным, без приказа. В нём звучала усталость.

Он обернулся к остальным. Охори едва заметно кивнул, принимая решение без спора. Дамир не отреагировал. Кубок снова коснулся губ, вино плеснулось.

– Ночь будет длинной, – добавил он тише.

Авалис подняла на него взгляд.

– А вы так и будете сидеть здесь? – спросила она, понизив голос.

Он ответил не сразу.

– Мы тоже пойдём спать. Если вдруг станет страшно... можешь прийти к нам. Хорошо?

Она кивнула. Слова застряли в горле. Хотелось сказать, что страх уже рядом, что он не приходит внезапно, а живёт в груди, сжимает лёгкие, делает вдох короче. Но она лишь сжала пальцы на подоконнике и удержала ровное выражение лица.

Огонь в светильниках тихо потрескивал. За стеклом туман стоял плотной серой стеной. В комнате пахло вином и дымом. И никто не произнёс вслух того, что понимали все.

Авалис медленно прошла по коридору. Доски под ногами отзывались глухо, почти неслышно. В гостиной осталось молчание. Никто не окликнул. Ронар, кажется, снова занял прежнее место; его силуэт едва различался в тени. Дамир налил ещё вина и поставил кубок на стол так, что стекло коротко звякнуло о дерево. Охори не произнёс ни слова.

Она закрыла за собой дверь спальни.

Комната держала тепло. Угли в камине тлели, давая мягкий свет. Пламя шевелилось, отбрасывая на стены неровные полосы. Тени тянулись по потолку и сходились над кроватью. Авалис задержалась у порога, прислушалась к собственному дыханию и только потом подошла к ложу. Села на край, провела ладонью по покрывалу и легла, не снимая платья. Взгляд упёрся в потолочные балки.

За окном туман шуршал по камню, будто скользил ладонями по стенам. В камине потрескивали дрова.

Через какое-то время в коридоре тихо открылась и закрылась дверь соседней комнаты. Шаги стихли. Дом окончательно затих. Словно все действительно легли спать.

Она осталась одна. Лежала, не закрывая глаз. Мысли не складывались в чёткие образы. Они кружили, задевали друг друга, путались. Воздух казался густым.

Она не выдержала. Поднялась осторожно, ступая мягко, чтобы не задеть доску. Приоткрыла дверь и вышла в коридор. Из гостиной просачивался слабый свет. Кто-то не спал. Она пошла туда, почти уверенная, что увидит Ронара.

На пороге она замерла. Дамир сидел там же, где и прежде. Стул откинут, спина расслаблена. В руке был кубок. Он смотрел прямо на неё.

– Чего встала... иди сюда, – бросил он, переводя взгляд к окну.

В голосе не было привычной лёгкости. Осталась усталость, раздражение и что-то ещё, что он не показывал.

На мгновение Авалис представила, как могло бы быть иначе. Если бы их связывало не обязательство, а выбор. Если бы он говорил о страхах, не пряча их за вином. Если бы протянул руку не по праву, а по желанию.

Мысль рассыпалась. Она подошла и села на самый дальний от него стул. Камень под ладонями оказался прохладным. Спокойствие было хрупким. Напряжение сдавливало грудь, пальцы дрожали, и она спрятала их под подолом, чтобы он не заметил.

Дамир не спешил. Он снова налил вина, рука его качнулась, тёмная струя перелилась через край и потекла по стеклу кубка. Он поднёс к губам и выпил почти залпом, кадык резко дёрнулся, дыхание стало глубже и шумнее.

Он не смотрел на неё. Разглядывал пламя в камине, будто разговор уже происходил где-то внутри него.

– Ты боишься меня, – произнёс он наконец.

Слова легли в тишину тяжело.

Авалис не ответила. Спина её оставалась прямой, ладони лежали на подлокотниках. Только пальцы медленно сжима-

лись, будто проверяли, есть ли под ними опора.

– И почему я должна тебя бояться? – спросила она ровно.

Он усмехнулся, коротко и сухо.

– Ты мне скажи... хотя нет. Дай угадаю сам.

Он поставил кубок на стол чуть сильнее, чем требовалось.

Затем поднялся.

Стул отодвинулся с протяжным скрипом. Этот звук прошёл по её коже, как предупреждение. Она почувствовала, как живот сжался. Тело уже знало, что расстояние сейчас станет меньше.

Он сделал шаг. Потом ещё один. Не торопясь. Не нависая. Просто сокращая пространство. Воздух между ними стал гуще, тяжёлым от вина и дыма.

– Может, дело в том, что я сильнее? – пробормотал он, склоняя голову набок. Язык слегка заплетался. – Нет... ты сильная. Это видно.

Он остановился в шаге от неё, опёрся ладонью о стол. Доски под его пальцами скрипнули.

– А может, тебя пугает власть... – он хмыкнул и качнулся, но удержался. – Не думаю.

Ещё шаг. Теперь его колени почти касались края её платья.

– Что ты делаешь? – выдохнула она.

Голос вышел тише, чем хотелось. Воздуха стало меньше. Сердце билось так высоко, что каждый удар отдавался в горле.

Он наклонился. Руки его опустились по обе стороны от неё, ладони легли на подлокотники. Дерево под его пальцами потемнело от тени. Он не коснулся её, но выхода больше не было.

– Кажется, я понял, – сказал он, глядя ей прямо в лицо.

Его дыхание коснулось её губ. Горький запах вина, горячий и тяжёлый. Кожа на шее отозвалась холодком.

– Ты боишься меня, потому что знаешь: если я чего-то захочу, я возьму.

В груди вспыхнула паника. Быстрая, без слов. Перед глазами на мгновение всплыло чужое лицо, тяжесть чужих рук, вес, который прижимал к земле. Саэль. Тот же запах, та же близость, от которой некуда отступить.

Пальцы Авалис вцепились в подлокотники сильнее. Ногти впились в дерево. Она чувствовала каждую неровность под кожей.

– Прекрати, – прошипела она.

Он улыбнулся медленно. Взгляд его скользнул вниз, по её лицу, по шее. Затем он опустился на корточки у её ног. Движение вышло плавным, почти ленивым. Его колени коснулись ковра. Лицо оказалось ниже её взгляда.

Авалис не шелохнулась. Тело налилось тяжестью, будто каждое движение потребовало бы отдельного решения, на которое у неё сейчас не было силы.

Он поднял голову, смотря снизу вверх.

– Я не сделаю тебе больно, – прошептал он. – Постараюсь.

Его пальцы легли на край её платья и задержались там, едва касаясь ткани. Тепло его кожи чувствовалось даже сквозь плотную материю. Этого прикосновения оказалось достаточно, чтобы дыхание Авалис сбилось, а сердце ударило неровно, почти болезненно.

Он медленно провёл ладонями ниже, коснулся щиколоток, и пальцы его начали подниматься вверх. Кожа отозвалась холодком. Юбка приподнялась, подол прошёлся по коленям, и воздух показался острым, чужим. В голове всё смешалось, мысли больше не складывались, только один порыв бился внутри – подняться, оттолкнуть, исчезнуть.

Но тело будто стало чужим. Мышцы напряглись, и всё же она сидела неподвижно, словно каждое движение требовало отдельного усилия.

– Твоя кожа... – начал он, наклоняясь ближе.

Её пальцы с силой вцепились в его плечи. Рывок вышел резким, стул качнулся, и она оказалась на самом краю. Его лицо приблизилось, тёплый воздух обжёг щёку.

– Хватит. Прекрати, – сказала она, толкаясь назад, чувствуя, как напряжение отдаётся в запястьях. – Отпусти. Или я закричу.

Он не отступил. Его ладонь сжалась сильнее, пальцы впились в ткань.

– Тебе нужна помощь?

Голос раздался из-за его спины, спокойно и ровно. Тишина в комнате будто лопнула от этого звука.

Авалис вскинула голову. За Дамиром стоял Ронар. Он не двигался, не делал лишних жестов. Взгляд его оставался холодным и сосредоточенным, а в глазах поблёскивал свет, от которого становилось трудно дышать.

– Ты всё портишь, Тенебрис, – усмехнулся Дамир, но усмешка вышла напряжённой. – Не заставляй меня жалеть, что не отдал тебя туману.

Его пальцы на мгновение усилили нажим, и Авалис почувствовала, как ткань натягивается под рукой. Она дёрнулась, пытаясь освободиться.

– Отпусти девушку, – сказал Ронар.

Слова прозвучали спокойно, но в воздухе что-то изменилось. Дамир поднял взгляд, и в улыбке мелькнуло узнавание.

– Можешь присоединиться...

Он не договорил. Тень сгустилась у его шеи, сомкнулась, словно плотная рука. Дамир захрипел, хватаясь за горло. Пальцы его разжались, и юбка выскользнула из его хватки. Он попытался оттолкнуться, воздух вырывался у него короткими, хриплыми вдохами.

Ронар сделал шаг вперёд. Лицо его оставалось почти бесстрастным.

– Ты теряешь контроль.

Тени ослабли и отступили. Дамир согнулся, закашлялся, хватая воздух широко раскрытым ртом. Кубок покатился по столу и глухо упал на ковёр.

Авалис только теперь поняла, что почти не дышала. Грудь

болезненно сжалась, вдох вышел рваным. Она быстро поправила юбку, поднялась на дрожащих ногах и отошла к стене, чувствуя, как подкашиваются колени. Пальцы всё ещё помнили чужое прикосновение, и от этого кожа казалась слишком грязной.

Дамир ушёл, не обернувшись. Дверь за его спиной закрылась глухо, без хлопка. Его шаги сначала звучали тяжело, с запинкой, затем выровнялись и постепенно стихли в глубине коридора. Воздух остался натянутым, будто струна, которую только что отпустили, но она ещё продолжает дрожать.

Авалис стояла посреди комнаты, не двигаясь. Колени дрожали так сильно, что ей пришлось напрячь бёдра, чтобы удержать равновесие. Казалось, стоит согнуться и тело сложится, не выдержав собственного веса. Юбка липла к коже, и в этом липком ощущении оставалось что-то постороннее. Там, где недавно лежали чужие пальцы, кожа горела тонкой, злой памятью. Она резко одёрнула ткань вниз, поправила складки, провела ладонью по бедру, будто могла стереть следы.

Первый вдох вышел резким, неровным. Второй застрял в горле, царапнул изнутри. Температура показалась слишком холодной. Она сглотнула и прижала ладонь к груди, чувствуя, как сердце бьётся слишком быстро, слишком высоко.

– Спасибо... – прошептала она тихо.

Голос растворился в комнате. Она не была уверена, к кому обращается, к Ронару или к пустоте, которая всё ещё дер-

жала её за плечи.

Ответа не последовало. Она сделала шаг. Пол качнулся под ногами, или это качнулась она. Ей пришлось ухватиться за спинку стула, пальцы впились в дерево, суставы побелели. Под кожей пробегали мелкие импульсы, короткие и неприятные. Тело ещё не приняло того, что опасность ушла.

Ронар стоял в нескольких шагах. В нём больше не было прежней холодной собранности. Плечи оставались напряжёнными, пальцы сжаты, будто он всё ещё держал тень. Челюсть была стиснута, взгляд не отрывался от неё.

Он не подходил. Будто понимал, что лишнее движение сейчас может сломать то хрупкое равновесие, которое только что удержалось.

– Ты точно... – начал он и остановился.

Слова повисли в воздухе. Она кивнула слишком быстро.

– Да.

Собственный голос прозвучал глухо и чуждо. Даже ей самой он не показался убедительным. Он видел, как её трясёт. Видел, как плечи подрагивают, как она постепенно отступает к стене, выбирая опору, хотя рядом уже не было угрозы.

– Иди спать, – сказал он шёпотом. – Я провожу.

Она хотела ответить. Поблагодарить. Сказать что-то лёгкое, почти шутливое, как когда тишина не давила так сильно. Но слова не находились. Горло сжалось.

Коридор оказался длиннее, чем помнилось. Шаги отдавались гулко, будто дом стал пустым. Пол под ногами был хо-

лодным, и этот холод поднимался выше, в голени, в спину. Тени по стенам вытягивались, меняли очертания, цеплялись за взгляд.

Комната встретила её теплом камина. Пламя колебалось, бросая мягкий свет на покрывало и стены.

– Спокойной ночи, – сказал Ронар и развернулся, чтобы уйти.

– Спокойной, – прошептала она в ответ, потому что знала, что он услышит.

Авалис закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. Древесина оказалась твёрдой, прохладной, ощутимой под лопатками. Она стояла неподвижно, прижимаясь к поверхности, будто проверяла, выдержит ли она её вес. Несколько вдохов прошли неровно, грудь поднималась слишком быстро, и только спустя время дыхание стало глубже.

Она оттолкнулась от двери и прошла к кровати. Села на край, пальцы скользнули по покрывалу, задержались на складке ткани. Потом она легла, не снимая платья, и уставилась в потолок.

Тишина давила. За окном туман скрёбся по камню, шуршал у стекла, будто медленно водил когтями по поверхности. В камине треснуло полено, искра вылетела из углей. Звук оказался слишком резким. Она вздрогнула всем телом, сердце болезненно ударило в груди.

Одеяло оказалось под её пальцами, и она сжала его, чув-

ствуя плотность ткани.

– Я в порядке, – прошептала она едва слышно. Голос прозвучал хрупко.

Грудь оставалась сжатой. Мысли не выстраивались в цепочку, они налетали разрозненно: запах вина, тяжёлое дыхание, близость чужого лица. Картина вспыхивала и исчезала, оставляя после себя холод. Она резко села, вдох вышел рваным, будто воздух пришлось вырывать из глубины.

Нет. Она не могла лежать здесь, глядя в потолок и прислушиваясь к каждому звуку.

Авалис поднялась, ступая осторожно, будто пол мог предать её, и снова вышла в коридор.

Она остановилась на пороге в гостиную. В пустоте стало слышно собственное дыхание. Дом казался слишком большим, слишком мирным. Одиночество навалилось тяжело, почти физически.

Она сделала несколько шагов вперёд и увидела Ронара. Он не ушёл далеко. Спина его была прямой, плечи напряжёнными, словно он продолжал прислушиваться к каждому шороху. Он стоял так, словно не позволял себе расслабиться, пока опасность окончательно не исчезнет.

Авалис остановилась в нескольких шагах от него. Губы приоткрылись, но слова не сразу нашли выход. Просьба казалась лишней, почти детской. Однако держать всё внутри больше не получалось. Авалис сжала пальцы, заставляя себя говорить.

– Можешь... – голос дрогнул, и она на мгновение замолчала, собирая остатки храбрости. – Можешь поспать со мной?

Фраза повисла в воздухе неровная, простая, слишком откровенная. Она поняла это сразу. Но отступить было уже поздно.

Глава 10. Ошибка или знак?

Плечи его на мгновение застыли, дыхание стало глубже, словно он прислушивался к чему-то внутри себя. Затем он медленно повернулся к ней. Взгляд задержался на её лице дольше, чем требовалось, скользнул к пальцам, вцепившимся в ткань платья.

– Да, – сказал он после короткой паузы. – Идём.

Он не прибавил ни слова. Спокойствие в его голосе звучало ровно и глухо, без оттенков. Он направился к коридору размеренным шагом. Доски под ногами отзывались тихо. Он не оглядывался, но шаги его оставались неторопливыми, словно он чувствовал её присутствие за спиной. Авалис пошла следом. Тело двигалось медленно, но она не отставала.

Они вошли в комнату. Занавесь на окне была опущена, но ткань едва заметно колыхалась. За стеклом оставалась плотная темнота.

Она подошла к кровати и села на край. Матрас мягко прогнулся. Она легла и подтянула одеяло к подбородку, чувствуя тяжесть ткани на плечах. Пальцы сжали край, удерживая его, словно это имело значение. Тело вытянулось, но мышцы оставались напряжёнными.

Ронар остался стоять посреди комнаты. Он медленно прошёл к стене. Взгляд его скользнул по полу, по стулу, по огню. Он задержался на мгновение, потом повернулся к ней. Ронар

не был уверен, где ему сесть.

В комнате стало тихо. Слышно было только слабое потрескивание углей и ровное дыхание, которое постепенно выравнивалось.

Авалис приподняла край одеяла со свободной стороны и негромко похлопала ладонью по простыне. Движение вышло неловким, непривычным. Она сама это заметила и на мгновение задержала руку, чувствуя под пальцами прохладу ткани.

– Пожалуйста, – произнесла она тихо, не отводя взгляда. – Я не хрупкая. И... мне просто так будет спокойнее.

Голос её звучал ровнее, чем дыхание. Внутри всё спуталось, грудь оставалась напряжённой, будто каждый вдох приходилось проталкивать через узкую щель.

Ронар не шагнул сразу. Брови его сдвинулись, лицо стало сосредоточенным. Он стоял неподвижно, словно слушал не её слова, а собственную решимость. Пальцы, лежавшие на спинке стула, медленно разжались.

– Это не... – начал он.

– Я знаю, – перебила она быстро, почти на выдохе. – Я просто не хочу быть одна.

Слова прозвучали негромко, но твёрдо. Лицо её оставалось спокойным, только пальцы под одеялом сжали край ткани сильнее.

Он выдохнул, глубже прежнего, и прошёл к кровати. Матрас слегка прогнулся под его весом. Он лёг ближе к краю,

оставляя между ними расстояние. Рука его легла поверх одежды, на уровне груди, неподвижно. Плечо не касалось её, одежда не задевала ткань на её боку. Одеяло между ними осталось натянутым ровной полосой.

В комнате стало тихо. От мужчины рядом исходило тепло. Оно ощущалось через воздух, через матрас, через тонкую прослойку ткани. Это тепло не расслабляло, в нём чувствовалась собранность. Мышцы под одеждой оставались напряжёнными, дыхание мерным.

Авалис лежала неподвижно. Плечи её оставались приподнятыми, будто она всё ещё ожидала рывка. Сердце билось неровно, удар отдавался в висках. Она закрыла глаза, стараясь удержать дыхание ровным.

Темнота не принесла покоя. Под веками вспыхнули неясные, смазанные образы. Она позволила себе ещё один медленный вдох и почти сразу почувствовала, как сознание начинает тонко соскальзывать, будто пол под ногами стал мягче.

Она проваливалась не в сон. Куда-то глубже.

Она оказалась у дерева своего дара так внезапно, будто шагнула сквозь тонкую, почти невидимую плёнку сна. Знакомая вода доходила до щиколоток, прохладная, прозрачная; лёгкое течение едва заметно касалось кожи. Яблоня поднималась из самой глубины, корни её терялись в темноте под гладкой поверхностью, а ветви тянулись вверх, переплетаясь на высоте.

Место обычно встречало её тишиной. Здесь не было ветра, не было тревоги. Лишь лёгкое колыхание отражения, словно сама вода дышала.

Среди ветвей мерцала тонкая нить. Она светилась мягко, ровно, будто жила своим тихим пульсом. Авалис знала её. Возвращалась к ней снова и снова, не давая себе ответа, почему взгляд неизменно ищет именно этот слабый отблеск.

На этот раз она не остановилась. Вода плеснула, когда она шагнула ближе. Холод вошёл под кожу, но она не обратила на это внимания. Рука поднялась сама, пальцы сомкнулись вокруг нити резко, почти отчаянно, как хватаются за край обрыва, когда почва уходит из-под ног.

Мир качнулся. В груди сжалось так тесно, что перехватило дыхание. Свет вспыхнул, вода исчезла. Пространство изменилось без перехода, без постепенности.

Перед ней стояло дерево, но уже не яблоня. Ствол его был белым, без единой тени, будто из него вынули глубину. Ветви тянулись вверх, обнажённые, и с них свисали ленты. Красные, узкие, длинные. Они не колыхались от ветра, они медленно шевелились сами, словно под кожей их проходил ток. Цвет их был насыщенным, густым. Слишком живым. Под ногами не было воды. Поверхность напоминала стекло, гладкое и холодное. Сквозь прозрачную толщу виднелась темнота без дна.

Позади послышался тихий выдох.

Авалис резко обернулась, не выпуская нить из пальцев.

Сердце ударило так сильно, что в ушах зашумело.

Ронар стоял напротив. Обнажённый по пояс, с руками, скрещёнными на груди. Волосы спадали на лоб, беспорядочно, будто он пару раз провёл по ним рукой. Грудь его поднималась часто. На коже сиял живой блеск тепла. Аметистовые глаза смотрели внимательно, прищуренно, и в этом взгляде не было ярости. В нём была настороженность и усилие.

Она не была уверена, что имеет право видеть его здесь. И не понимала, каким образом оказалась внутри этого пространства.

– Это очень грубо, Авалис, – сказал он.

Голос прозвучал близко. Настолько, что звук лёг на кожу.

– Что... что это за место? – выдохнула она.

Дыхание стало коротким, быстрым. Пальцы занемели так, будто нить проходила через них, а не лежала в ладони.

Он провёл рукой по волосам и ответил тише:

– Это дерево моего дара.

Слова ударили глубже, чем она ожидала. Она разжала пальцы.

Свет исчез так же резко, как появился. Стеклянная гладь под ногами ушла, белизна ветвей рассыпалась. Темнота сомкнулась вокруг без подготовки, без края.

Авалис распахнула глаза в своей постели, вдохнув рвано и резко. Её тело горело внутренним жаром. Под кожей пульсировало, будто по венам рассыпались слишком горячие угли. Сердце билось быстро, сбивчиво. Её трясло.

В тело пришла странная потребность. Резкая, внезапная. Желание вернуться туда, к белому дереву и красным лентам, к взгляду, который знал, что она сделала. И именно это напугало сильнее всего.

Она повернула голову медленно, словно опасалась нарушить равновесие, которое едва удерживала.

Ронар смотрел на неё прямо, внимательно, не приближаясь. В его взгляде не было растерянности, только тревога и настороженность, словно он ждал объяснения.

– Я повторяю, – произнёс он ровнее, но твёрже. – Это было грубо.

Слова коснулись её резче, чем прикосновение. В груди будто что-то толкнулось, горячая волна прокатилась вниз по телу. Она не успела подумать, не успела взвесить. Пальцы сами подались вперёд, тело двинулось раньше мысли.

Авалис наклонилась и коснулась его губ. Сначала едва ощутимо, будто проверяя, не рассыплется ли всё при первом же касании. Губы оказались тёплыми и живыми. Это тепло не было призрачным, потому что откликалось.

Её дыхание сбилось. В висках отдался быстрый удар крови. Под ладонью, которой она коснулась его груди, ощутилась упругая кожа, напряжённая, горячая. Она почувствовала, как его плечи на мгновение застыли, мышцы сжались, словно он удержал движение, которое могло быть резким.

Ответ последовал не сразу. Он поцеловал её медленно, без напора, и в этом спокойствии была сила. Его губы сомкну-

лись плотнее, глубже, заставив её забыть о том, что она собиралась делать дальше. Под её пальцами его дыхание стало тяжелее. Она услышала, как оно проходит через грудь, ощутила его на коже.

Её ладони сами поднялись к его шее. Кожа под пальцами была горячей, тепло расходилось, пробегая вниз по её позвоночнику. Когда его рука легла ей на затылок, она ощутила это прикосновение всем телом. Он не удерживал её, но пальцы оставались твёрдыми, уверенными.

В комнате стало тесно. Огонь в камине едва треснул, матрас под ними тихо прогнулся.

Он наклонился ближе, нависая сверху, и их тела коснулись плотнее. Бёдра соприкоснулись через ткань, и от этого по ней прошёл резкий, почти болезненный отклик. Из её груди вырвался тихий, сдавленный звук, который она не пыталась сдержать.

Она не боялась его близости. Её пугало другое. То, с какой готовностью тело откликалось, как легко оно забывало осторожность, как стремилось к этому теплу, к дыханию, к весу его тела рядом.

Она закрыла глаза и позволила себе ещё один поцелуй, зная, что дальше остановиться будет уже труднее.

Поцелуй стал глубже не сразу. Его губы двигались медленно и уверенно, будто он проверял, выдержит ли она это сближение, не отстранится ли в последний миг. Авалис отвечала несмело, не находя ритма, но не уклоняясь. Под его ладонью,

лежащей у неё на шее, кожа горела, и от этого дрожь проходила по телу, задерживаясь в груди и внизу живота. Всё внутри сжималось и тянулось одновременно, как если бы кто-то снова коснулся тонкой нити и потянул сильнее прежнего.

Он склонился ниже, губы скользнули к её шее. Тёплое дыхание обожгло кожу. Она почувствовала, как воздух стал плотнее, и попыталась сделать вдох, но он вышел неровным. Сердце билось быстро, сбивчиво, каждый удар отдавался в висках.

Ронар уткнулся лбом ей в плечо, замер так на мгновение. Его дыхание было тяжёлым, быстрым. Она ощущала его кожей, всей поверхностью тела.

– Чёрт... – выдохнул он едва слышно.

В следующий миг он отстранился. Не постепенно, не колеблясь. Он поднялся, сел, провёл рукой по лицу, затем лёг обратно на свой край кровати, оставляя между ними пространство. Это расстояние оказалось ощутимым, почти болезненным. Авалис осталась лежать, глядя в потолок, и пыталась привести дыхание в порядок. Тело ныло от напряжения, от той силы, которая так и не нашла выхода.

– Я... – начала она, и собственный голос показался ей чужим, слишком тихим. – Я что-то не так сделала?

Он молчал несколько мгновений.

– Нет, – ответил наконец. – Ты ничего не испортила.

Она повернула голову. Его глаза были тёмными, глубже обычного. Во взгляде читалось усилие, как будто он удержи-

вал себя силой воли.

– Тогда почему?.. – спросила она.

Грудь сдавило. Это чувство не походило ни на стыд, ни на обиду. Оно было тяжёлым и неясным.

Он долго не отвечал. Огонь в камине тихо осел, пламя стало ниже.

– Потому что сейчас ты не выбираешь, – сказал он негромко. – А я не стану пользоваться этим.

Слова будто коснулись её изнутри. Жар поднялся к горлу, липкий и густой. Она отвернулась, уткнулась взглядом в складку одеяла и сжала ткань пальцами так, что побелели суставы.

– Прости, – прошептала она, едва слышно.

– Не извиняйся, – ответил он мягче. – Мне важно, чтобы ты была уверена в каждом своём шаге. И чтобы потом не пришлось жалеть.

Он не приблизился. Но и не отвернулся.

Они лежали рядом в тишине, разделённые узкой полосой ткани и тем напряжением, которое ни один из них не решился преодолеть. В комнате было тепло, однако холод под кожей не исчезал сразу. И именно это спокойное соседство, без прикосновения и без сна, оказалось тяжелее всякой резкости.

Глава 11. Обещание.

Шейрида закончила перевязку, туго затянула последний узел и отступила на шаг, оценивая работу. Кровь больше не проступала сквозь ткань. Она собрала тряпицы, сложила травы в деревянную чашу и вытерла ладони о край юбки.

– Идите спать. Утром решим, что делать.

Голос её звучал ровно, без смягчения. В нём чувствовалась усталость, которая не нуждалась в признании. В доме стало тише, даже туман за дверью будто на миг задержал своё шуршание.

Руиз коротко кивнул и поднялся. Движение далось ему не без труда, плечи напряглись, челюсть сжалась. Аскер соскользнула с его коленей на пол, мягко приземлившись лапами. Шейрида уже повернулась к столу, убирая следы крови, словно разговор завершён окончательно.

Лестница вверх была узкой, ступени стёрты временем. Доски тихо поскрипывали под шагами. Этот звук казался резче обычного, потому что за дверью продолжал жить туман. Он шипел, скрёбся, водил чем-то по дереву, проверяя границы.

Аскер шла рядом с Руизом, почти касаясь его ноги. Она чувствовала тепло его тела и улавливала каждое изменение в дыхании. Он поднимался медленно, не останавливаясь, однако через раз воздух входил в грудь чуть резче, чем прежде.

Рана тянула его, и пальцы ложились на перила крепче, чем нужно было просто для равновесия.

Комната наверху встретила их простотой. Голые стены, тёмные от времени, кровать у окна, низкий стол, камин с углями, которые ещё держали красноватый свет. Воздух здесь был теплее, но и тяжелее.

Руиз закрыл дверь и на секунду задержал ладонь на щеколде, будто проверяя, надёжно ли она вошла в паз. Затем молча снял плащ и бросил его на стул. Пряжка под его пальцами дрогнула, он втянул воздух сквозь зубы и стянул рубаху через голову.

Аскер замерла. Кожа его блеснула в свете углей, тёмная от теней и жара. Татуировки шли по груди и плечам, и ей показалось, что их стало больше. Линии тянулись дальше прежнего, спускались по рукам, обвивали предплечья, словно чернила медленно находили новую поверхность. Узоры выглядели глубже, будто впились в кожу.

Он не смотрел на неё. Стоял у кровати, опустив рубаху на край стула. Плечи его ещё держали напряжение. В отблеске огня чернила казались почти живыми, и от этого по её спине прошёл холодок.

Руиз лёг осторожно, медленно опускаясь на постель. Он сначала сел на край, придерживая ладонью перевязанный бок, потом вытянул ноги и только после этого позволил себе лечь. Тело его двигалось размеренно, будто каждое движение приходилось взвешивать. Он повернулся на здоро-

вую сторону, вытянул руку вдоль подушки и устроил голову так, чтобы шея не тянулась. Веки опустились на короткий миг. Грудь его поднялась глубже обычного, и воздух вышел сквозь зубы тихим, едва слышным звуком.

Аскер прыгнула на кровать легко, почти бесшумно, и устроилась у самого его бока. Там, где от тела исходило тепло. Там, где сквозь ткань и повязку всё равно чувствовался ритм сердца. Она свернулась, поджав лапы, прижавшись так, чтобы ощущать движение его дыхания.

В кошачьем теле всё воспринималось иначе. Сломанный палец оставался воспоминанием о боли, а не самой болью. Мир казался мягче, звуки громче, ткань под лапами теплее. Но мысли не становились тише. В этой тишине они звучали отчётливее.

За окном туман двигался. Серые клубы скользили мимо стекла, поднимались, опускались, вытягивались вверх, словно искали опору. В отблеске луны в них проступали очертания, которые исчезали, стоило взгляду задержаться. У окна на миг мелькнуло нечто похожее на плечо. Чуть дальше тёмное пятно, напоминавшее голову. Потом длинная тень, изломанная, как рука, вытянулась вдоль рамы и растворилась.

В комнате воздух оставался неподвижным. Камин почти погас, угли светились тускло. Руиз дышал глубоко, ровно, но в каждом вдохе слышалось усилие. Грудь его поднималась чуть резче, чем должна была в покое. Иногда дыхание замирало на долю секунды, прежде чем снова стать мерным.

Аскер лежала, не двигаясь, и слушала. Тепло под её боком подтверждало его присутствие. Сердце билось устойчиво, живо. И всё же в его дыхании чувствовалась отдалённость, будто часть его оставалась где-то вне этой комнаты.

Она закрыла глаза и ещё плотнее прижалась к нему, стараясь уловить ритм и удержать его рядом.

– С тобой что-то не так, – сказала она наконец. – Мне стоит пер-р-реживать?

Слова прозвучали тихо. В кошачьем горле голос стал ниже и мягче, но в нём по-прежнему ощущался металл.

Руиз не ответил сразу. Пауза затянулась. Он даже не повернул головы, лишь плечо под её щекой чуть сильнее напряглось, будто от одного её тона в воздухе стало теснее.

– Не придавай моему настроению значения, – сказал он наконец. Голос вышел ровным, и он попытался фыркнуть. – Считай, у тебя научился.

Отговорка. Сухая, привычная. Она улеглась между ними, как камень, положенный нарочно.

Аскер прищурилась и уткнулась носом в его ребра. Запах крови смешивался с запахом мокрого дерева и трав, которыми Шейрида обработала рану. Под кожей у него ходили мышцы – не расслабленные, а напряжённые, как у зверя, который лежит, но не спит.

– Демон лез мне в голову, и это было непр-р-риятно, – протянула она недоверчиво. – А ты прожил чер-р-ртову тучу лет. И не всё ты был готов вспоминать.

– Тебе лучше заткнуться, – фыркнул он, без злобы. – Ты вообще по доброй воле отдала свой палец, а теперь удивляешься, почему я странный?

– Я не говор-р-рила стр-р-ранный.

– Не цепляйся к словам.

Она подняла на него взгляд, полный выразительного сомнения.

– Это касается и меня. Не будь эгоистом.

– Так и скажи, что тебе просто интересно, как меня мучили, – его губы изогнулись в усталой усмешке.

Улыбка была живой, но напряжение не исчезло. Оно осталось там же, под кожей.

Аскер выждала. Потом, словно между делом, спросила:

– Ты видел меня?

Он молчал. Пауза длилась чуть дольше, чем требовалось.

– Значит, я угадала, – усмехнулась она.

Его ладонь опустилась ей на голову. Несильно, но достаточно, чтобы сбить тон.

– Я видел туман, – ответил он сипло. – И... достаточно.

Она прижала уши, ощущая в груди упрямый холод. Он не собирался говорить, если сам не хотел. Но молчание тоже выдавало.

– Ты боишься, – сказала она вдруг.

– Это не новость, – отозвался он сухо. – А ты, если продолжишь, будешь спать на полу. И я получу от этого истинное удовольствие.

– Ну уж нет, – мягко ответила Аскер. – Не выгонишь.

Они замолчали. В темноте слышался только звук дыхания и далёкое шуршание тумана за окном.

– Ты боишься, что что-то повтор-р-рится, – тихо продолжила она. – Будто это до сих пор-р-р здесь...

Она не договорила. Руиз повернул голову и посмотрел на неё сверху вниз. В его взгляде мелькнуло раздражение, усталость, благодарность и что-то ещё, более тихое.

– Ты специально, – сказал он негромко.

Она медленно моргнула, демонстративно невинно.

– Что специально?

– Ищешь обходные пути.

Аскер дёрнула хвостом, но промолчала. Руиз выдохнул глубже обычного, и тишина между ними стала плотнее. В углях камина тихо осела зола. За окном шорохнуло, будто туман снова провёл чем-то по стеклу.

– Как я могу тебе довер-р-рять, если ты не говор-р-ришь?

Она не собиралась говорить это вслух. Фраза вырвалась сама. Слово повисло в воздухе.

Доверять.

Она ощутила его тяжесть сразу же, как только произнесла. В кошачьем теле это чувство отдавало странно, будто в груди стало теснее, словно там не хватало места для дыхания. Ей хотелось взять его обратно, заменить чем-то жёстким, практичным, но звук уже прозвучал и осел между ними.

В памяти вспыхнуло отчётливо: его рука на мече. Его го-

лос. Его выбор. Тот миг, когда он сделал шаг, после которого она умерла. Это воспоминание не жгло. Оно холодило.

Руиз смотрел на неё долго. Лицо его не менялось, только взгляд стал глубже. Потом он медленно отвёл глаза к потолку, словно там было легче удерживать слова.

– Ты не должна мне доверять, – сказал он спокойно. – Даже я себе не доверяю.

В его голосе не было жалости к себе. Это звучало ровно, как привычная правда, к которой он давно привык.

Аскер сглотнула. Дыхание у неё сбилось, коротко, едва заметно.

– Он показал тебе будущее? – спросила она тихо.

Руиз резко посмотрел на неё и фыркнул.

– Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Она не шевельнулась. Просто смотрела на него, и в её аметистовых глазах уже стоял ответ, которого он не произнёс. Он заметил это. Губы его едва заметно дрогнули. Он выдохнул через нос.

– Ты невозможна.

– Ты тоже, – сказала она.

Он закрыл глаза на мгновение, словно собирался с силами. Пальцы на простыне медленно сжались и разжались.

– Он показал, что может случиться, – произнёс он наконец. – Один из путей.

Этого было достаточно, чтобы воздух в комнате стал тяжелее. Аскер не спросила, что именно он видел. Желание

задать вопрос давило, но она чувствовала границу так ясно, будто она проходила по его коже. Стоило сделать ещё шаг, и он замкнётся.

Она подвинулась ближе. Тепло кожи под ней было живым. Руиз едва заметно напрягся от этого прикосновения, мышцы под повязкой вздрогнули, и дыхание стало чуть глубже.

Аскер прижалась плотнее, уткнулась лбом в его рёбра. Некоторое время они лежали молча, слушая друг друга.

Она помолчала. Потом спросила уже иначе, как будто просто вытаскивает то, что висит между ними.

– Зачем ты меня поцеловал?

Руиз не усмехнулся и не отвёл взгляд. Он долго смотрел в окно. За тонкой занавесью медленно двигался серый туман, густой и бесшумный. Свет от углей в камине едва касался его лица, подчёркивая усталость в скулах и напряжение у висков.

Только после паузы он ответил:

– Потому что захотел.

Аскер приподняла голову. Её уши едва заметно качнулись.

– Это очень плохой ответ, – хмуро заметила она.

Он перевёл взгляд на неё.

– Это единственный, который у меня есть, – сказал он недовольно. – Чёрта с два я буду оправдываться.

Воздух в комнате стал тяжелее. Угли тихо треснули. Аскер не нашла слов сразу. Она не привыкла к тонким разговорам

и к тому, что можно разбирать чувства на части. Но внутри неё что-то тихо изменилось. Осознание пришло не мыслю, а ощущением. Он действительно сорвался. И это было тревожнее любых объяснений. Руиз редко позволял себе терять контроль. Когда это происходило, мир становился менее устойчивым.

Он повернул голову к потолку, будто собирался заговорить о другом, но голос его остался таким же напряжённым.

– Нам нужно решить, что дальше.

Она помолчала, слушая, как за окном что-то скребётся по дереву.

– У нас нет ничего, – сказала она. – По твоей вине...

Он резко выдохнул через нос.

– Не надо, ассасин. Я уже понял, что сделал ошибку. Есть предложение, – спокойнее сказал Руиз.

Аскер внимательно посмотрела на него.

– Озвучивай.

Он опёрся локтем о подушку, приподнялся чуть выше.

– Можем сбежать в город богов, – сказал он.

Слова прозвучали ровно. Без нажима. Так, будто речь шла о дороге через перевал.

– Ты шутишь?

Руиз покачал головой.

– Нет. Ты полубог. Ты можешь спокойно перемещаться. Как бессмертная.

Аскер застыла. Сердце под шерстью дрогнуло и забилось

быстрее. Внутри шевельнулось любопытство, слишком живое, почти жадное. Часть её тянулась к этому. Аскер тянуло взглянуть на то, что было скрыто от неё всю жизнь. И вместе с этим пришло раздражение. Ей не нравилось собственное притяжение к этому.

– Я не хочу искать свою мать, а больше там делать нечего, – сказала она резко. – Ты сам сказал мне: месьть не пр-р-ри-ведёт меня никуда, кр-р-роме боли.

Руиз посмотрел на неё пристально. На губах появилась едва заметная улыбка. В ней было что-то тёплое, почти преж-нее.

– Я говорил это тебе, когда ты чуть не убила себя. Но в целом... я рад, что ты меня хотя бы слушаешь.

Аскер прижала уши.

– Не зазнайся, – фыркнула она.

В этом фыркание прозвучала жизнь. Настоящая. Без хо-лодной осторожности.

Он опустился обратно на подушку.

– Я предложил. Решать всё равно тебе.

Она опустила взгляд на его перевязанный бок. Ткань повязки чуть темнела в местах, где ещё недавно проступала кровь. Слова вырвались быстрее, чем она успела их отсеять.

– Здесь всё ещё есть те, кого я хочу защитить.

И тут же она почувствовала, как что-то внутри сжалось. Эта прямота была непривычной. В ней слышалась привязан-ность. Обязанность. То, что она редко позволяла себе про-

словно мысленно проходил путь до города, учитывал стены, стражу, дороги.

Потом он выдохнул.

– Дорога будет преисподней.

Аскер коротко фыркнула.

– Всё тепер-р-рь пр-р-реисподняя.

На губах Руиза мелькнула усмешка, быстрая и сухая. На мгновение это напомнило прежнего его, того, кто смеялся, даже когда вокруг рушились стены.

В этот же миг за окном движение стало резче.

Серая масса поднялась выше, плотнее. Очертания собрались слишком быстро, будто что-то решило подойти ближе. У стекла возникла тень, вытянутая, почти человеческая. Она приблизилась так стремительно, что свет от углей в камине отразился на стекле и лег по комнате холодной полосой. Туман будто смотрел внутрь.

Аскер инстинктивно прижалась ниже к боку Руиза. Тепло его кожи под шерстью стало ощутимее. Фигура за стеклом дернулась, словно заметила это движение. Лицо, если это можно было назвать лицом, расплывалось и снова собиралось, контуры не держались. Длинная, неестественная рука скользнула по стеклу. Стекло задрожало. Раздался глухой удар. Потом ещё один. Туман шипел, звук напоминал кипящую воду, только без жара.

Руиз приподнялся на локте. Его взгляд стал холодным, сосредоточенным. В комнате словно сгустился воздух.

Удары стихли почти сразу. Фигура у окна отпрянула, вытянулась в длину, потеряла очертания и отступила дальше, в серую глубину. Через мгновение её не стало видно, но чувство присутствия не исчезло.

Комната снова погрузилась в тишину. За окном туман продолжал двигаться, но держался дальше.

Аскер ощущала под собой ровное тепло тела Руиза. Его дыхание выровнялось, стало глубже. Это тепло оставалось единственным устойчивым в этой ночи.

Он лежал на спине, глядя в тёмный потолок. Его грудь поднималась ровно, только иногда дыхание становилось глубже, словно боль в боку напоминала о себе.

Аскер уже решила, что он уснул. Она почти расслабилась, когда его голос прозвучал так тихо, что его можно было принять за выдох:

– Пообещай мне кое-что.

Она приподняла голову. Уши дрогнули.

– Что?

Руиз не повернулся к ней. Он продолжал смотреть вверх, туда, где темнота скрывала выражение его глаз. Пальцы его медленно сжались на простыне и разжались.

– Когда мы уничтожим туман... – сказал он и запнулся на этом слове, будто оно требовало больше, чем он готов был отдать. – Ты сделаешь всё, чтобы помочь мне умереть.

Аскер застыла.

Сердце под шерстью ударило резко. Она слышала его

дыхание рядом, слышала, как бьётся его сердце, уверенно, сильно. Тело, полное жизни, просило о смерти.

Обещания она знала слишком хорошо. Они оставались дольше людей. Обещание связывает, даже когда всё остальное разорвано. Она смотрела на него, не моргая. В груди поднималось нечто холодное, плотное.

Он просил это не из слабости. В его голосе не было жалости к себе. Он произнёс это так, как произносят заранее продуманное решение.

Аскер молчала. Туман за окном шевельнулся, стекло тихо скрипнуло. В комнате стало теснее.

Она подумала о нём. О его взгляде, о том, как он держится за контроль, будто это последнее, что удерживает его на земле. И поняла, что просьба родилась из той части, о которой он никогда не говорит.

Она медленно выдохнула.

– Хор-р-рошо, – сказала Аскер тихо. – Обещаю.

Слово легло между ними тяжёлым грузом. Руиз едва заметно усмехнулся. В уголке его губ дрогнула тень улыбки. Он закрыл глаза, и дыхание его стало глубже, будто теперь он позволил себе на мгновение отпустить напряжение.

Аскер снова улеглась под его бок, прижавшись плотнее. Тепло его тела окружило её. Сердце билось рядом, устойчиво, живо. Она закрыла глаза.

Мысли не исчезли, но стали тише. За окном туман продолжал двигаться, касаясь стен, словно проверял их на проч-

ность.

Внутри, в маленькой комнате над домом Шейриды, они лежали рядом, связав себя словом, которое не должно было прозвучать.

Глава 12. Решение.

Ронар проснулся до рассвета. Тело подняло его само, как поднимало всегда, ещё до того, как город решал открыть глаза. В комнате держалась ночная прохлада, плотная, ровная, без сквозняков. За окном не звучало ни шагов, ни голосов. Где-то внизу вода лениво стекала по каменным желобам. Этот звук оставался спокойным и привычным, хотя ночь успела изменить дыхание Винора.

Авалис спала рядом. Он не посмотрел на неё сразу. Её присутствие ощущалось не взглядом. Тепло под одеялом, ровное дыхание, лёгкое движение плеча, когда она перевернулась во сне. Она спала глубоко. Слишком глубоко для человека, который стоял так близко к границе, о которой не говорят вслух. Ронар сжал пальцы. Костяшки побелели.

Ночь осталась не только в памяти. Она осела в теле. Мышцы вдоль спины тянуло, под кожей держалось напряжение. Он помнил момент, когда шаг вперёд мог стать другим шагом. Это было осознанно. И не случайно. Он не называл случившееся ложью. Но слишком хорошо знал цену словам, сказанным тогда, когда воля ещё не выровнялась. То, что тянуло их друг к другу, не было простым желанием. И потому тревожило.

Он медленно сел, стараясь не задеть её плечо. На мгновение замер. Не из опасения разбудить. Он знал: если задер-

жится ещё на один вдох, останется. Утро требовало движения.

Ронар поднялся и вышел, осторожно прикрыв дверь. Дом ещё спал, однако не был безжизненным. По коридорам двигались слуги, мягко, почти бесшумно, не поднимая взглядов. Винор умел выглядеть спокойным. Даже в дни, когда внутри что-то надломлено.

Он вышел на улицу, где солнце едва-едва встало, и глубоко вдохнул. Воздух был свежим. В нём чувствовалась зелень садов, влага из каналов, и тонкий металлический привкус, который оставался после ночи. Террасы ловили первые лучи солнца. Вода в мраморных чашах ещё казалась чистой. Но кое-где на светлом камне проступали тёмные разводы. Их уже смывали.

Ронар шёл медленно. У одной из площадей женщина накрывала тканью тело у стены. Делала это аккуратно, поправляя край, словно тот, кто лежал под полотном, ещё мог почувствовать неловкость. Чуть дальше двое мужчин уводили детей, разворачивая их лица прочь. На углу кто-то с усилием тёр камень щёткой, раз за разом проводя по одному месту, будто стремился стереть не только кровь, но и саму ночь.

Город не кричал. Никто не метался. И это настораживало сильнее.

Ронар смотрел на Винор внимательно. Не из праздного интереса. Он видел в его открытых террасах ту же доверчивость, что всегда отличала этот город. Он строился не как

крепость. Здесь верили, что свет и красота способны удержать беду. Свет остался. Беда тоже.

Здесь было красиво. Мысль пришла к Ронару без усилия, как приходит признание очевидного, от которого не легче. Город умел выглядеть невиновным.

И именно здесь Авалис захотят использовать первой.

Он остановился у одного из мостов, перекинутых через узкий канал. Перила были тёплыми на ощупь, солнце успело коснуться их раньше, чем воды. Ронар опёрся ладонями о камень и посмотрел вниз. На поверхности колыхались узкие блики, лёгкие, прозрачные. Ничто в этом движении не напоминало о ночи.

Если бы Авалис сейчас вышла сюда, она бы задержалась на середине моста. Он знал это так же ясно, как знал собственную походку. Она смотрела бы жадно, не моргая, впитывая каждую деталь, будто боялась, что всё это исчезнет. В её взгляде была бы скорбь, от которой она не умеет защищаться, и желание понять, почему красота не спасает. И потому Винор был ловушкой.

Ронар медленно выпрямился. Утро уже набирало силу, и город начинал звучать иначе: открывались ставни, где-то стукнуло ведро о камень, на соседней улице кто-то негромко переговаривался. Всё это складывалось в ощущение безопасности, которое нельзя было потрогать, но легко принять за правду.

Он перебрал варианты без спешки. Мысли двигались чёт-

ко.

Остаться здесь означало выиграть время. Несколько дней, возможно, неделю. Стены, знакомые лица, привычный порядок. Но туман не отступит от того, что город красив. Он вернётся. И в следующий раз ударит туда, где больнее.

Бежать наугад означало лишиться её последнего основания под ногами. В неизвестности у неё не будет имени, не будет защиты. Она станет добычей быстрее, чем успеет понять, куда попала.

Оставался один путь. В Эхис.

Ронар произнёс это про себя, будто пробуя слово на вкус. Эхис был суровым. Узкие улицы, камень без украшений, холодные залы, в которых власть ощущалась не через свет, а через тень. Там Авалис будет в опасности иначе. Не из-за тумана, а из-за людей. Но там у неё будет имя. Там её назовут принцессой. Там был брат, связанный с ней кровью и долгом.

Он сжал челюсть так, что на виске дёрнулась мышца. Если Ломар окажется таким же, как её отец, если страхи Авалис окажутся правдой, если за её спиной снова захлопнут двери... Ронар медленно выдохнул. Тогда он решит это по-другому. Он не позволит повториться тому, что уже однажды случилось. Сначала этот путь должен быть проверен.

Он оттолкнулся от перил и повернул обратно. Город продолжал просыпаться.

Когда Ронар вернулся и вошёл в комнату, Охори не спал. Он сидел на кровати, босые ноги опущены на пол, пальцы

сцеплены в замок. Русые волосы были растрёпаны, на лице застыло выражение человека, которого подняли раньше, чем он хотел, и который не намерен делать вид, будто это его не задело. Взгляд был ясным и холодным.

Ронар остановился у двери на долю секунды, прежде чем закрыть её за собой. В комнате ещё держался ночной воздух, и тишина между ними не требовала слов, чтобы стать ощутимой.

– Ты рано, – буркнул Охори, не поднимая взгляда. Он потянулся к кувшину на столике, налил воды в чашу и сделал глоток, будто надеялся смыть остатки сна.

Ронар закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Дерево было прохладным. В комнате ещё держалась утренняя свежесть, и свет, проникающий сквозь занавешенное окно, ложился бледной полосой на пол.

– Привык к кошачьему режиму, – ответил он спокойно.

Охори хмыкнул и наконец посмотрел на него внимательно. Сон с его лица исчез быстро. Взгляд стал сосредоточенным, настороженным.

– Что случилось?

Ронар прошёл вперёд и сел напротив, положив руки на колени. Он не стал тянуть.

– Нам надо уходить.

Охори не вздрогнул. Он лишь слегка наклонил голову.

– Куда?

– В Эхис.

В комнате повисла тишина. Охори выдохнул через нос и кивнул, словно подтверждая мысль, которую давно примерял к себе.

– Я так и думал.

Ронар прищурился. В груди стало чуть легче.

– Правда?

Охори провёл ладонью по волосам, откидывая их со лба.

– Дамир действует мне на нервы, – сказал он без раздражения, просто констатируя. – И Винор больше не место, где можно переждать бурю.

Ронар кивнул. Он слышал за окном далёкий плеск воды, шаги во дворе, тихие голоса.

– Туман останется, – произнёс он. – Он не уйдёт сам по себе. И здесь мы не удержим её в безопасности.

Охори скривился, потёр переносицу.

– Если останемся, всё закончится плохо.

Они оба понимали, что стоит слухам о даре Солнца разойтись шире, и страх сделает людей слепыми. В отчаянии они начнут хвататься за любую надежду. В Эхисе страх будет другим. Там за спиной Авалис будет имя и стены, которые умеют защищать.

Ронар опустил взгляд на свои ладони. Пальцы были сжаты слишком сильно.

– Там её труднее будет достать.

Охори посмотрел на него внимательно.

– Труднее, но не проще для неё.

Ронар коротко кивнул. Он знал.

В комнате стало тише. Солнечный свет медленно полз по полу, касаясь ножек стола.

– Уговорить её будет сложнее, чем собрать вещи, – сказал Охори спустя несколько секунд.

Ронар вспомнил выражение её лица у Шейриды. Упрямство, смешанное с виной.

– Я знаю, – ответил он негромко.

Охори откинулся назад, упёрся ладонями в край кровати.

– Тогда не дави. Не превращай это в приказ.

– Я не собираюсь, – сказал Ронар.

Они договорились быстро. Без споров и лишних слов. Всё было ясно. Теперь оставалось сказать об этом Авалис. И именно это было самым трудным.

Она вышла в общую часть дома, когда солнце уже поднялось над крышами и свет стал плотным, тёплым, настоящим. Лучи ложились на стол, на пол, на стены, вычерчивая чёткие тени.

Волосы у неё были распущены, пряди спадали на плечи, ещё немного спутанные сном. Она моргала чаще обычного, словно свет казался слишком ярким после темноты комнаты. В движениях оставалась мягкость недосыпа.

– Доброе утро, – сказала она и потянулась к кувшину с водой.

Керамика тихо звякнула о край чаши. Она налила себе и сделала несколько жадных глотков, задержав воду во рту

дольше, чем нужно, будто собиралась с мыслями.

– Как ты? – спросил Охори слишком быстро.

Она замерла на секунду, затем повернула к нему голову.

– Нормально... наверное.

Взгляд её скользнул к Ронару. Он стоял чуть в стороне, руки опущены вдоль тела, плечи напряжены сильнее, чем требовала обычная утренняя беседа. Он смотрел на неё внимательно, почти пристально, и от этого внутри у неё что-то сжалось.

– Вы какие-то странные, – сказала она, пытаясь улыбнуться. Улыбка вышла неровной. – Что случилось?

– Ничего, – ответил Охори слишком поспешно. Он отвёл взгляд к окну. – Просто ночь была тяжёлая.

– Для всех, – добавил Ронар.

Слова прозвучали спокойно, но под ними чувствовалась твёрдость. Они ещё немного говорили о пустяках. Разговор тянулся, распадаясь на короткие фразы, и в нём не было ни одной настоящей мысли.

Авалис слушала и ощущала подвох кожей. Слишком осторожные взгляды. Слишком ровные голоса. Эти двое не умели притворяться беспечно.

Она поставила чашу на стол.

– Ладно, – сказала она тише. – Говорите.

Ронар вдохнул глубже. Воздух вошёл тяжело.

– Мы идём в Эхис, – произнёс он. – Сегодня.

Тишина будто осела на плечах.

– Нет, – ответила Авалис сразу. Слово вырвалось без паузы, без раздумий. – Нет.

Охори шагнул ближе.

– Послушай...

– Нет, – повторила она, и в голосе прозвучала не капризность, а твёрдость. – Я туда не пойду.

Она смотрела не на них. Сквозь них. В глазах мелькнуло воспоминание, которое не нуждалось в словах: длинные коридоры, тяжёлые двери, тень отца, обещания, от которых не отказываются.

– Винор не защита, – сказал Ронар мягко. – И ты это знаешь.

– Знаю, – отрезала она. – Но Эхис тоже не защита.

Охори сжал пальцы на спинке стула.

– В Эхисе тебя не тронут. Здесь попытаются.

Она усмехнулась без радости.

– А там меня просто закроют. Или выдадут замуж. Или снова сделают ребёнком, которому решают, когда говорить и когда молчать.

В комнате стало тесно. Даже свет казался резче.

– Сейчас это единственное место, где ты не станешь добычей, – сказал Ронар. Он не повышал голос. – Мы не оставим тебя с Ломаром, если он окажется опасен.

Она посмотрела на него пристально, сжав губы так, что побелела кожа вокруг них.

– Твои слова ничего не значат, если Ломар захочет иначе,

— сказала она тихо.

Ронар выдержал её взгляд.

— Я обещаю, что не позволю ему.

Обещание прозвучало без колебаний. Оно вышло раньше, чем он успел взвесить последствия, но в нём не было сомнения.

Молчание тянулось. За окном кто-то крикнул, проехала повозка, и звук колёс по камню прозвучал слишком громко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.